

A black and white, high-contrast portrait of a man with glasses, looking slightly to the right. The image has a grainy, textured appearance. The man's face is partially in shadow, and the background is dark.

**ГАНС
ФАЛЛАДА**

Gans Follada

**МАЛЕНЬКИЙ
ЧЕЛОВЕК, ЧТО
ЖЕ ДАЛЬШЕ?**

Маяки эпохи. Великие книги

Ганс Фаллада

**Маленький человек,
что же дальше?**

«ЭКСМО»

1932

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Фаллада Г.

Маленький человек, что же дальше? / Г. Фаллада — «Эксмо»,
1932 — (Маяки эпохи. Великие книги)

ISBN 978-5-04-211301-7

Ганс Фаллада — один из самых пронзительных немецких писателей XX века, мастер социального реализма. Его творчество рождалось на фоне катастрофической истории Германии между двумя мировыми войнами: безработица, инфляция, страх и утрата человеческого достоинства стали не декорацией, а сердцевиной его прозы. Фаллада писал о простых людях, которых эпоха ломает, но не всегда побеждает. Его произведения наполнены сочувствием, наблюдательностью и тонким психологизмом. «Маленький человек, что же дальше?» — один из самых известных романов Фаллады, правдивая и тревожная хроника жизни молодой немецкой пары в преддверии прихода нацизма. Иоганнес Пиннеберг и его жена Ягненок — «маленькие люди», пытающиеся сохранить любовь и достоинство в мире, который все стремительнее теряет человеческий облик. Потеря работы, унижение, страх перед будущим — все это описано с жесткой точностью, но без уныния: в романе живет светлая, упрямая вера в простое человеческое счастье. Это книга о тревожном времени и о тех, кто в нем жил. И, как всякая подлинная литература, она остается удивительно актуальной. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-211301-7

© Фаллада Г., 1932

© Эксмо, 1932

Содержание

Пролог	7
Часть первая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ганс Фаллада

Маленький человек, что же дальше?

Hans Fallada

Kleiner Mann – was nun?

* * *

© Смусева А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Пролог

Беззаботные

Пиннеберг узнает нечто новое о Ягненке и принимает серьезное решение.

Сейчас пять минут пятого. Пиннеберг только что это отметил. Он – молодой красивый светловолосый мужчина – стоит перед домом № 24 на улице Ротенбаум и ждет.

Уже пять минут пятого, а с Ягненком они договорились встретиться без пятнадцати четыре. Пиннеберг вновь смотрит на часы, затем переводит взгляд на табличку рядом с домом № 24 на улице Ротенбаум. Читает:

Доктор Сезам

Гинеколог

Часы приема: с 9 до 12; с 4 до 6

– Ну вот! Пять минут пятого. Конечно, если я закурю еще одну сигарету, Ягненок тут же появится. Пожалуй, не буду этого делать. Сигареты и так обошлись слишком дорого сегодня.

Он отвел взгляд от таблички. На улице Ротенбаум только один ряд домов, там, за проезжей частью, за зелеными участками природы и за той набережной, где река Штрела становится шире, а после впадает в Балтийское море. Дует свежий ветер, шумят деревья, кусты склоняют свои ветви.

«Так жить нужно уметь, – думает Пиннеберг. – Конечно, у этого Сезама семь кабинетов. Наверное, он зарабатывает огромные деньги. Интересно, сколько он платит за аренду... двести марок? Триста? Ах, даже не представляю. Десять минут пятого».

Пиннеберг лезет в карман, достает сигарету из портсигара и закуривает.

Из-за угла появляется Ягненок, в белой плиссированной юбке и шелковой блузке, без шляпки её светлые волосы развевались.

– Добрый день, мальчик мой. Понимаю, уже не такой добрый. Ты сердисься?

– Ни капли. Только теперь мы будем ждать бесконечно долго. Тридцать человек зашло, пока я ждал.

– Ну, они ведь не все к доктору. И тем более мы по записи.

– Видишь, как хорошо, что мы записались.

– Да, ты был как всегда прав, мальчик мой! – Она останавливается в лестничном пролете, обхватывает руками его лицо и страстно целует – Я так рада, что мы снова вместе, мальчик мой! Вдумайся, почти две недели!

– Да, Ягненок, – ответил он. – Я больше не буду ворчать.

Дверь распахнулась, и в темном коридоре мелькнуло белое привидение, гаркнувшее:

– Талончик!

– Дайте хотя бы зайти, – говорит Пиннеберг и подталкивает Ягненка вперед. – Кстати, у нас частный прием. Мы записаны. Моя фамилия Пиннеберг.

На слове «частный» призрак поднимает руку и включает свет в коридоре.

– Доктор подойдет через минуту. Проходите.

Они проходят вдоль коридора к приоткрытой двери. Это оказывается зал ожидания, где уже сидят те тридцать человек, которых видел Пиннеберг возле входа в гинекологию. На них устремились вопросительные взгляды, после чего раздался гул голосов:

– Да что же это такое!

– Мы уже давно ждем!

– За что мы платим страховые взносы?!

– Подумать только, какие господа!

Вслед зашедшая медсестра постаралась унять гул.

– Спокойно, спокойно! Доктор примет всех! Это не то, что вы подумали. Это зять доктора с женой. Правда?

Пиннеберг польщенно улыбнулся, а Ягненок тут же направилась к дальней двери. Воцарилась тишина.

– Быстрее, – шепчет сестра и подталкивает Пиннеберга в спину. – Не обращайтесь внимания, эти бесплатные пациенты такие грубые... Больничная касса платит за них сущие гроши, а они воображают из себя не бог весть что.

Дверь за ней захлопнулась, Мальчик и Ягненок остались одни в окружении красного бархата.

– Это наверняка его личная приемная, – говорит Пиннеберг. – Как тебе это нравится? Думаю, это жутко старомодно.

– Мне ужасно неприятно, – отвечает Ягненок. – В другие дни мы тоже «бесплатные пациенты». Только представь, что они с доктором говорят у нас за спиной...

– Почему ты так расстроилась? – спросил он. – Отчасти это правда. С нами, маленькими людьми, часто обращаются подобным образом.

– А я расстраиваюсь...

Дверь приоткрылась, оттуда вынырнула другая медсестра.

– Мистер и миссис Пиннеберг? Доктор просит вас немного подождать. Могу я пока опросить вас?

– Конечно, – кивнул Пиннеберг.

– Возраст?

– Двадцать три. Имя: Иоганнес. – Следом: – Бухгалтер. – Более мягко: – Здоров. Обычные детские заболевания, ничего серьезного. Насколько известно, мы оба в порядке. – Затем, запинаясь: – Да, мать жива. Отца больше нет. Нет, я не могу сказать, отчего он умер.

Ягненок:

– Двадцать два. Эмма. – Теперь она колебалась: – В девичестве Мюршель. Заболеваний нет. Родители живы, здоровы.

– Еще пару минут, и доктор к вам подойдет.

– Для чего это все нужно? – ворчит он, когда дверь за сестрой закрылась. – Мы же только...

– Не особо ты хотел ей говорить, что ты бухгалтер!

– А сама-то – в девичестве Мюршель! – Он засмеялся. – Эмма Пиннеберг по прозвищу Ягненок, в девичестве Мюршель. Эмма Пинн...

– Замолчи! О боже, мальчик мой, мне бы очень хотелось сходить в туалет еще раз. Ты не знаешь, где это здесь?

– С тобой вечно одна и та же история! Ты же могла сходить раньше...

– Уже, мальчик мой. Уже. Еще на центральной площади, целую марку за это отдала. Но когда я волнуюсь...

– Ягненок, возьми себя в руки на пару минут. Мы ведь только пришли...

– Мальчик мой, но мне нужно...

– Прошу вас. – Из-за спины послышался голос.

В дверях стоял доктор Сезам, тот самый знаменитый Сезам, об отзывчивости и добром сердце которого шептались половина города и четверть провинции. Во всяком случае, он написал популярную брошюру о сексуальных проблемах, поэтому Пиннеберг и выбрал его, доверившись его опыту.

Итак, доктор Сезам стоит в дверях и говорит:

– Прошу вас.

Сезам подходит к столу и ищет на нем письмо.

– Вы написали, господин Пиннеберг, что пока не можете позволить себе заводить детей, так как испытываете финансовые трудности.

– Да – отвечает Пиннеберг, ужасно смутившись.

– Проходите, раздевайтесь, – обратился он уже к Ягненку, а затем продолжил с Иоганнесом: – Вам необходимо безопасное и верное средство. Да, думаю, это вполне осуществимо... – Врач скептически улыбнулся, сверкнув оправой золотых очков.:

– Я читал в вашей книге... – прервал его Пиннеберг, – про пессуарий...

– Пессарий, – поправляет доктор. – Да, но не для любой женщины он подойдет. И потом, это не всегда так просто. Справится ли ваша жена...

Он посмотрел на нее свысока. Она уже сняла блузку и стягивала юбку со своих стройных ног – она такая высокая.

– Пройдете к креслу, – говорит доктор. – Блузку снимать не нужно было, юная леди. Ягненок совсем покраснела.

– Можете проходить и ложиться. Господин Пиннеберг, подождите здесь, буквально пару минут.

Они вдвоем уходят в соседнюю комнату. Пиннеберг смотрит им вслед. Доктор Сезам едва достает «юной леди» до плеча.

Иоганнес вновь думает, что она выглядит восхитительно – Ягненок лучшая женщина в мире, единственная для него на всем белом свете. Он работает в Духерове, а она здесь, в Плаце, и они видятся только два раза в месяц, поэтому его восторг не утихает, а аппетит разгорается с каждым разом все сильнее и сильнее...

Из-за двери он слышит вопросы доктора, заданные вполголоса, и дребезжание инструментов – звуки такие же, как и у стоматологического оборудования, отчего Пиннебергу становится не по себе.

Звуки становятся громче, а затем добавились и крики. Такого голоса Ягненка он еще не слышал. Она кричит очень надрывно.

– Нет, нет, нет! – И еще раз: – Нет! – А потом очень тихо еле слышное: – О боже!

Пиннеберг делает три шага к двери.

Что там может быть? Люди часто говорят, что такие врачи – ужасные распутники... Однако вновь слышен голос доктора и снова гремят инструменты.

А потом все утихло.

Сейчас самая середина лета, примерно середина июля, ярко светит солнце. Небо темно-синее, в окно стучат ветки, их колышет морской ветер. Пиннебергу вдруг вспомнилась старая песенка из его детства:

Дует, дует ветер,
Не сноси ты шляпки детям,
Дует, дует ветер,
Будь же ласков к моим детям.

В зале ожидания кто-то перешептывается. Бесплатные пациенты, их время тянется... Мне бы ваши заботы, думает Пиннеберг. Мне бы ваши заботы...

Наконец доктор с Ягненком возвращаются. Глаза у нее большие и испуганные, она очень бледная, но все же находит в себе силы робко улыбнуться ему, и кривая улыбка расплзается по ее лицу – Пиннеберг смотрит на нее с тревогой. Доктор стоит в углу, моет руки и косо поглядывает на молодых людей. Затем поспешно говорит:

– Немного поздно, господин Пиннеберг. Слишком поздно. Я думаю, уже начало второго месяца...

Пиннеберг замирает – слова доктора были похожи на пощечину. Он торопливо выговаривает:

– Доктор, это же невозможно! Мы же заботились об этом! Это совершенно невозможно! Скажи ему, Ягнечок...

– Мальчик мой! – вскрикивает она. – Мальчик...

– Это так, – отвечает врач. – Ошибки быть не может. И поверьте мне, господин Пиннеберг, ребенок хорош для любого брака.

– Доктор. – Голос Иоганнеса дрожит. – Доктор, я зарабатываю сто восемьдесят марок в месяц! Я прошу вас, господин доктор!

Сезам устало вздохнул. То, что он сейчас слышал, было не в новинку, подобные речи произносились в этом кабинете по тридцать раз на дню.

– Нет, – обрубает он. – Нет. Во-первых, даже не просите меня об этом. Ошибка исключена. Они оба здоровы. И ваш заработок совсем не плох. Совсем не плох.

Лихорадочный вскрик Пиннеберга разносится по кабинету.

– Господин доктор!

Ягненок начинает гладить его по волосам, чтобы немного привести в чувство.

– Перестань, мальчик мой. Все будет хорошо...

– Но это совершенно невозможно... – Последние слова вырываются у него из груди, и он замолкает.

Входит сестра.

– Доктор, вас к телефону.

– Прошу вас, – говорит доктор, – успокойтесь, вы все еще взволнованы. Как только ребенок появится на свет, приходите снова ко мне. Тогда мы сможем поговорить о мерах предохранения. Только не слишком-то полагайтесь на период кормления. Так что... мужайтесь, юная леди.

Сезам жмет руку Ягненку и пытается поспешно удалиться.

– Я... Я бы хотел... – Голос Пиннеберга дрожит, он хватается за свой бумажник.

– Ах да... – Сезам разворачивается в дверях и оценивающе смотрит на них обоих. – За прием пятнадцать марок.

– Пятнадцать... – тихо повторяет Иоганнес и тянется к бумажнику, но доктор уже ушел. Он неловко достает купюру в двадцать марок, смотрит, как сестра выписывает квитанцию и берет ее.

Он напряженно хмурится:

– А мне удастся возместить эти пятнадцать марок в больничной кассе? Да ведь?

Сестра озадаченно смотрит на него, затем на Ягненка.

– Беременность, да? – И дальше, не дожидаясь ответа: – Нет. Это не тот диагноз, за который можно взыскать плату из больничной кассы.

– Пойдем, Ягненок – говорит он.

Они медленно спускаются по лестнице. Уже у двери Ягненок останавливается и сжимает его ладонь.

– Не грусти так... Пожалуйста, не нужно. Все будет хорошо.

– Да, да, – бормочет он, глубоко о чем-то задумавшись.

Они шли вдоль по улице Ротенбаум, затем повернули на Майнц. Здесь высокие дома, много людей, машины сбиваются в пробки. Уже продаются вечерние газеты, но никто не обращает на них внимания.

– Он сказал, что я неплохо зарабатываю, – Пиннеберг первый прервал молчание, – и берет с меня пятнадцать марок. Из ста восьмидесяти. Разбойник!

– Я справлюсь, вот увидишь, – пожимает плечами Ягненок.

– Ох, милая моя, – восклицает он.

С Майнц они вышли на Крюмпервег, и вокруг стало очень тихо.

– Теперь многое стало понятно, – говорит Ягненок.

– Что тебе понятно? – спросил Пиннеберг.

– Ну, меня иногда подташнивало по утрам... и вообще мне было не очень хорошо в последнее время...

– И ты не обратила внимания?

– Я думала, что вот-вот начнутся... Не сразу подумала, что именно в этом может быть дело.

– Может быть, он ошибся?

– Нет. Я так не думаю. Это правда.

– Ну, может быть, он все-таки окажется неправ...

– Нет, я в это не верю...

– Пожалуйста, Ягненок, послушай же хоть раз, что я говорю! Как это вообще возможно?!

– А почему ты думаешь, что это невозможно?

– Может быть, завтра все-таки начнутся? Тогда я напишу на него такую жалобу...

Погруженный в свои мысли, он замолкает, уже подумывая, что именно напишет в жалобе. За Крюмпервегом следует улица Хеббель, они идут этим прекрасным летним днем вдоль красивых аллей, где повсюду стоят высокие вязы.

– А еще я потребую вернуть свои пятнадцать марок, – говорит он внезапно.

Ягненок не отвечает. Она идет осторожно, наступая на всю подошву ботинка, внимательно смотрит, куда наступает, – все теперь по-другому.

– А куда мы вообще идем? – внезапно спрашивает он.

– Я должна вернуться домой, – отвечает Ягненок. – Я ничего не говорила маме, чтобы не беспокоить ее.

– Ох, еще и это...

– Не ругайся, мальчик мой, – просит она. – Я постараюсь еще раз выйти в половине девятого. На каком поезде ты хочешь поехать?

– На десятичасовом.

– Тогда я провожу тебя на поезд.

– И ничего больше, – выдыхает он. – На этот раз ничего. Такова жизнь.

Дальше Лютьен – настоящая рабочая улица, тут всегда полно детей, и здесь они не смогут как следует попрощаться.

– Не принимай это так близко к сердцу, мальчик мой, – говорит она, сжимая его руку сильнее. – Я справлюсь.

– Да, да, – пытается он выдавить из себя улыбку. – Ты – козырной туз, Ягненочек, любую карту покроешь.

– В половине девятого я буду внизу. Обещаю.

– И даже не поцелуешь?

– Ох, ты же знаешь, это не так просто! О нас могут шептаться прямо сейчас, а ведь потом пойдут слухи...

Она пристально смотрит на него.

– Хорошо, Ягненок, – говорит он. – Ты тоже не принимай это близко к сердцу. Что-нибудь придумаем!

– Конечно, – говорит она. – Я не теряю мужества. А пока – пока!

Она быстро взбегает по темной лестнице, ее чемоданчик бьется о перила: хлоп-хлоп-хлоп-хлоп.

Пиннеберг смотрит вслед ее длинным бледным ногам. Уже сотни тысяч раз Ягненочек ускользала от него по этой проклятой лестнице.

– Ягненок! – ревет он. – Ягненочек!

– Да? – Она глядит на него сверху вниз через перила.

– погоди! – кричит он, несясь вверх по лестнице.

Он стоит перед ней, задыхаясь, хватая ее за плечи.

– Ягненочек! – Он давится словами от волнения и одышки. – Эмма Мюршель! Как насчет того, чтобы мы поженились?

Мама Мюршель – Папа Мюршель – Карл Мюршель: Пиннеберг оказывается между молотом и наковальней.

Ягненок Мюршель ничего не ответила. Она отошла от Пиннеберга и осторожно присела на ступеньку лестницы – ноги у нее внезапно подкосились. Теперь она сидела, но все равно смотрела на него свысока.

– О боже! – взмолилась она. – Мальчик мой, если бы мы поженились!

Ее глаза внезапно стали совсем светлыми. Они были темно-синими с зеленоватым оттенком, но сейчас они переливались ярким сиянием.

«Словно все рождественские елки в мире горят у нее внутри», – подумал Пиннеберг и тут же смутился от умиления.

– Все в порядке, Ягненочек, – сказал он. – Давай поженимся как можно скорее, а?

– Мальчик мой, ты уверен? Я, конечно, и сама смогу с этим справиться. Но ты прав, будет лучше, если у Малыша будет отец.

– Малыш, – повторил Пиннеберг. – Да, точно, Малыш.

Он на мгновение замолчал. Он боролся с собой – только бы не сказать Ягненку, что в момент предложения он даже не думал о Малыше, а только о том, что поступил подло и теперь этим жарким летним вечером ему придется ждать свою девушку на улице целых три часа. Но он этого не сказал. Вместо этого он попросил:

– Встань, пожалуйста, лестница очень грязная. Твоя прекрасная белая юбка...

– Ох, оставь ты мою юбку в покое! Какое мне сейчас дело до юбок... Я так счастлива! О Ганнес, мальчик мой! – Она снова поднимается и бросается ему на шею.

Даже дом пожалел их: из двадцати семей, которые ходили по этой лестнице, ни одна не прошла после пяти вечера, хотя в это время кормильцы обычно возвращаются домой, а хозяйки бегают в магазин, чтобы докупить к ужину то, что забыли днем. Они были совсем одни.

Наконец Пиннеберг высвободился из ее объятий:

– Теперь мы можем пойти к тебе домой... Мы ведь жених и невеста. Пошли?

Ягненок с сомнением спросила:

– Ты хочешь пойти ко мне прямо сейчас? Не лучше ли будет мне сначала поговорить с отцом и матерью и подготовить их? Они ведь ничего о тебе не знают.

– Это все равно нужно будет сделать, так сделаем это сразу, – объяснил Пиннеберг, все еще не желая этого делать. – Как думаешь, они обрадуются?

– Ну да, – задумчиво протянула Ягненок. – Мама очень обрадуется. А отец... знаешь, не обижайся на него. Отец любит подтрунивать, но это он не со зла.

– Я все прекрасно понимаю, – сказал Пиннеберг.

Когда Ягненок открыла дверь в небольшую прихожую, из кухни тут же раздался голос:

– Эмма, это ты? Иди сюда сейчас же!

– Минутку, мама, – откликнулась Эмма Мюршель, – только сниму туфли.

Она взяла Пиннеберга за руку и на цыпочках повела его в маленькую комнатку, где стояли две кровати.

– Положи туда свои вещи. Да, это моя кровать, я на ней сплю. На другой кровати спит мама. Отец и Карл спят в чулане. Теперь идем. Погоди, твои волосы! – Она быстро провела расческой по его спутанным волосам.

У обоих бешено стучало сердце. Она взяла его за руку, они прошли через прихожую и распахнули дверь на кухню. У очага, ссутулившись, стояла женщина и что-то жарила на сковородке. У нее было коричневое платье и широкий синий фартук. Женщина на них даже не посмотрела.

– Эмма, быстро беги в подвал и принеси прессованных углей. Я Карлу сотню раз говорила...

– Мама, – начала Эмма, – это мой друг Иоганнес Пиннеберг из Духерова. Мы хотим пожениться.

Женщина у очага подняла глаза. У нее было острое лицо, острый грозный рот, очень светлые пронзительные глаза и десять тысяч морщин. Старуха из рабочего класса.

Женщина посмотрела на Пиннеберга, резко и со злостью, а затем вновь отвернулась к своим картофельным оладьям.

– Вот бестолочь, – сказала она. – Теперь ты тащишь своих парней ко мне в дом?

– Мама, – продолжала Ягненок, пытаясь рассмеяться, – он действительно хочет на мне жениться.

– Принеси угли, кому говорят! – крикнула женщина, орудуя вилкой.

– Мама!

Женщина вновь повернулась к ним.

– Ты все еще здесь? Затрещины ждешь?!

Ягненок тяжело вздохнула и напоследок сильно сжала руку Пиннеберга. Потом она взяла корзинку и, уходя, крикнула как можно радостнее:

– Я скоро вернусь!

Дверь в коридор захлопнулась. Пиннеберг остался стоять на кухне. Он осторожно поглядывал на госпожу Мюршель, как будто один его взгляд мог вызвать у нее всплеск раздражения, а затем отвернулся к окну. Было видно только голубое летнее небо и несколько дымовых труб.

Фрау Мюршель отодвинула сковороду в сторону и продолжала возиться с конфорками – они сильно дребезжали и звенели. Она ткнула раскаленной кочергой в угли, что-то бормоча себе под нос.

– Извините, что вы сказали? – вежливо спросил Пиннеберг.

Это были первые слова, которые он произнес в этом доме, хотя ему, наверное, не следовало вообще ничего говорить.

Женщина резко обернулась к нему, будто стервятник. В одной руке она держала кочергу, а в другой вилку – не так уж и страшно, даже несмотря на то, что она тут же принялась ими размахивать. Страшно было видеть ее лицо, на котором дергались и плясали морщины, и еще хуже были ее жестокие и злые глаза.

– Только попробуйте опозорить девчонку! – крикнула она, словно была вне себя.

Пиннеберг попятился шаг назад.

– Я действительно хочу жениться на Эмме, фрау Мюршель, – начал он с тревогой.

– Вы, наверное, думаете, что я не понимаю, в чем дело, – невозмутимо сказала она. – Вот уже две недели я стою здесь и жду. Я думаю, она мне что-то скажет, я думаю, что вот скоро она познакомит меня с этим парнем. Я сижу здесь и жду. – На секунду она замолчала, чтобы перевести дух, и продолжила: – Моя Эмма – девочка хорошая, не какая-нибудь грязь под ногами. Она всегда была веселой. Слова плохого никому никогда не сказала, и вы решили ее опозорить?!

– Нет, нет! – испуганно зашептал Пиннеберг.

– Ну конечно! Нет! – кричит госпожа Мюршель. – Нет! Однако! Я жду. Уже две недели жду, когда она отдаст свое белье на стирку – и ничего! Как вам это удалось, а?!

Пиннеберг не мог этого сказать.

– Мы ведь еще молоды, – мягко ответил он.

– Ах ты, – женщина еще сильнее рассвирепела, – девочку мою на такое подбил. – И она снова закричала: – Свиньи вы, мужики! Все свиньи! Тьфу!

– Мы поженимся, как только уладим все формальности, – объясняет Пиннеберг.

Фрау Мюршель отвернулась к плите. Жир в сковородке продолжает шипеть.

– Кто вы вообще такой? Можете ли вы вообще жениться? – спрашивает она уже спокойнее.

– Я бухгалтер. В зерноторговой компании.

– Служащий, значит?

– Да.

– Я бы предпочла рабочего, – фыркает она. – А сколько вы зарабатываете?

– Сто восемьдесят марок.

– С вычетами?

– Нет.

– Это даже хорошо, – говорит женщина, – что не так уж и много. Я просто хочу, чтобы моя девочка не зазнавалась. – И снова злым голосом: – Не думайте, что у нее есть приданое. Мы пролетарии. У нас ничего нет. Только немного белья, которое она сама купила.

– В этом нет необходимости, – говорит Пиннеберг.

Вдруг женщина снова сердится:

– У вас тоже ничего нет. Вы не похожи на того, кто экономит. Если ходишь в таком костюме просто так, значит, за душой ни гроша.

Пиннебергу не нужно признаваться, что она почти попала в точку, потому что в этот момент наконец возвращается Ягненок с углем. Она в прекрасном настроении:

– Заела она тебя, мой бедный мальчик? – спрашивает она. – Мама – настоящий чайник, всегда кипит.

– Не дерзи, – ругается старуха. – иначе получишь по заднице. Иди в спальню и переодейся. Мне нужно будет переговорить с твоим отцом наедине.

– Хорошо, – отвечает Ягненок. – Ты уже спрашивала моего жениха, любит ли он картофельные оладьи? Сегодня день нашей помолвки.

– Убирайтесь! – кричит госпожа Мюршель. – И чтобы дверь не закрывали, уж я прослежу, чтобы вы не наделали глупостей.

Они сидят друг напротив друга за маленьким столиком на белых стульях.

– Мама – простая работница, – говорит Ягненок. – Она всегда такая грубая, она ничего такого не думает.

– О, еще как думает, – говорит Пиннеберг и усмехается. – К тому же твоя мама в курсе того, о чем нам сегодня сказал доктор.

– Конечно, она знает. Мама всегда все знает. Я думаю, ты ей очень понравился.

– Ну, мне так не показалось.

– Мама такая – она всегда должна ругаться. В такие моменты я ее уже даже не слушаю. На мгновение воцаряется тишина, они сидят друг напротив друга, руки лежат на столике.

– Кольца нам тоже нужно купить, – говорит Пиннеберг задумчиво.

– О боже, да, – быстро отвечает Ягненок. – Говори быстро, какие ты предпочитаешь, блестящие или матовые?

– Матовые! – говорит он.

– Я тоже! Я тоже! – восклицает она. – Я думаю, у нас во всем одинаковый вкус, это замечательно. Сколько они будут стоить?

– Я не знаю. Тридцать марок?

– Так много?

– Если мы возьмем золотые.

– Конечно, мы возьмем золотые. Давай измерим наши пальчики.

Пиннеберг приближается к ней. Они берут нитку с катушки. Это сложнее, чем казалось на первый взгляд, – нитка то повисает на пальце, то врезается в него.

– Смотреть на руки – к ссоре, – говорит Ягненок.

– Но я ведь не смотрю на них, – отвечает он. – Я их целую. Я целую твои руки, Ягненочек.

Раздается очень глухой стук в дверь.

– Идите сюда! Отец пришел!

– Сейчас, – кричит Ягненок и вырывается из объятий Иоганнеса. – Давай поскорее приведем себя в порядок. Отец будет долго ворчать.

– Какой он, твой отец?

– Боже, ты сейчас все сам увидишь. Да это и не важно. Ты женишься на мне – только на мне, не на моих родителях...

– Вместе с Малышом.

– С Малышом, да. У него будут милые неразумные родители. Они не могут усидеть на месте и побыть разумными даже четверть часа...

За кухонным столом сидит высокий человек в серых штанах, сером жилете и белой трикотажной рубашке, без пиджака. На ногах у него тапочки. У него желтое морщинистое лицо, маленькие пронзительные глаза за нависшими очками, блеклые усы и почти белая борода.

Мужчина читает «Глас народа», но, когда входят Пиннеберг и Эмма, он опускает газету и рассматривает молодого человека.

– Так вы тот самый юноша, который хочет жениться на моей дочери? Очень приятно, садитесь. Кстати, вы еще передумаете.

– Что? – спрашивает Пиннеберг.

Ягненок повязывает фартук и начинает помогать матери на кухне.

Фрау Мюршель сердито говорит:

– Где опять пропадает этот негодник? Все оладьи остынут.

– Сверхурочные, – лаконично отвечает господин Мюршель. И подмигивает Пиннебергу. – Вы тоже иногда работаете сверхурочно, не правда ли?

– Да, – отвечает Пиннеберг. – Довольно часто.

– Но без оплаты?

– К сожалению. Шеф говорит...

Господина Мюршеля не интересует, что говорит его шеф.

– Видите ли, поэтому мне рабочий для моей дочери был бы предпочтительнее: когда мой Карл работает сверхурочно, ему за это платят.

– Господин Кляйнхольц говорит... – вновь пытается Пиннеберг.

– Что говорят работодатели, молодой человек, – объясняет господин Мюршель, – мы давно знаем. Это нас не интересует. Нас интересует то, что они делают. У вас же есть коллективный договор, а?

– Уверен, что есть... – говорит Пиннеберг.

– Вера – это дело религии, с этим рабочему не по пути. Разумеется, есть. И там написано, что сверхурочные должны оплачиваться. Зачем же мне зять, которому их не платят?

Пиннеберг пожимает плечами.

– Потому что вы не организованы, вы, служащие, – объясняет ему господин Мюршель. – Потому что у вас нет единства, никакой солидарности. Поэтому с вами делают что хотят.

– Я организован, – говорит Пиннеберг угрюмо. – Я в профсоюзе.

– Эмма! Мама! Наш молодой человек в профсоюзе? Кто бы мог подумать! Такой модный – и в профсоюзе! – Господин Мюршель склонил голову и рассматривает своего будущего зятя, прищурившись. – Как называется ваш профсоюз, юноша? Давайте выкладывайте!

– Германский профсоюз служащих, – говорит Пиннеберг и все больше раздражается. Долговязый господин чуть ли не съезживается от смеха.

– ГэПэЭс! Мама, Эмма, держите меня, наш юноша Глупец Первого Сорта, он называет это профсоюзом! Они же желтые, на двух стульях усидеть хотят! О боже, дети, смех же, да и только...

– Ну, позвольте, – говорит Пиннеберг сердито. – Мы не желтая организация! Мы не финансируемся работодателями. Мы сами платим свои взносы.

– Большим шишкам! Желтым бонзам! Что ж, Эмма, жениха ты выбрала подходящего. Настоящий гэпээсовец! Настоящий глупец! Крахмальный воротничок!

Пиннеберг с надеждой смотрит на Ягненка, но она не обращает на него внимания. Возможно, она к этому привыкла – если она не обращает внимания на такое, ему только хуже.

– Служащий, когда я слышу нечто подобное, – говорит Мюршель, – думаю, что вы считаете себя лучше нас, рабочих.

– Я так не думаю.

– Нет, вы именно так думаете. И знаете, почему вы так думаете? Потому что вы позволяете своему работодателю задерживать зарплату не на неделю, а на целый месяц. Потому что вы делаете сверхурочную работу бесплатно, потому что вы соглашаетесь на зарплату ниже тарифной, потому что вы никогда не устраиваете забастовки, потому что вы настоящие штрейкбрехеры...¹

– Дело не только в деньгах, – говорит Пиннеберг. – Мы ведь думаем иначе, чем большинство рабочих, у нас другие потребности...

– Думаете иначе, – усмехается господин Мюршель, – думаете иначе... Но вы думаете точно так же, как пролетарий...

– Это не так, – говорит Пиннеберг, – я, например...

– Вы, например, – господин Мюршель насмешливо прищуривается, – вы, например, получили аванс?

– Как так? – спрашивает Пиннеберг, смущаясь. – Аванс?

– Ну да, аванс, – еще больше усмехается отец Мюршель. – Аванс, у Эммы. Не очень-то прилично, господин служащий. Весьма пролетарская привычка...

– Я... – лепечет Пиннеберг и краснеет, ему хочется громко хлопнуть дверью и закричать: «О, да пошли вы к черту!»

Но фрау Мюршель резко говорит:

– Замолчи, отец, надоел ты со своей болтовней! Это дело уже решено, и тебя оно не касается.

– Вот и Карл пришел, – восклицает Ягненок, услышав, как захлопнулась входная дверь.

– Так подавай еду, женщина, – говорит господин Мюршель. – И все-таки я прав, зять, спросите у своего пастора – это неприлично...

В кухню заходит молодой человек, но молодость – это лишь обозначение возраста, он выглядит совершенно не молодым, еще более желтым и желчным, чем отец Мюршель. Он буркнул:

– Добрый вечер. – Не обращая никакого внимания на гостя, снял куртку и жилет, затем рубашку.

---

¹ Streikbrecher (нем.) – дословно – «нарушитель стачки», от brechen – ломать, прерывать, нарушать и Streik – забастовка – лицо, как правило, нанимаемое на стороне во время забастовки, отказывающееся участвовать в забастовке и поддерживать забастовщиков, занимающее сторону администрации.

Пиннеберг смотрит на него с нарастающим изумлением.

– Сверхурочно работал? – спрашивает старик.

Карл Мюршель лишь что-то бурчит в ответ.

– Хватит уже валять дурака, Карл, – говорит госпожа Мюршель. – Садись есть.

Но Карл уже включил воду в кране и начинает очень тщательно мыть руки. Он голый по пояс, Пиннеберг немного смущается из-за Ягненка, но ей это кажется совершенно нормальным.

Для Пиннеберга здесь многое кажется ненормальным. Уродливые глиняные тарелки с черными пятнами, полусырые картофельные оладьи с привкусом лука, кислые огурцы, теплое бутылочное пиво, приготовленное только для мужчин, плюс эта безрадостная кухня и моющийся в раковине Карл...

Карл садится за стол и угрюмо говорит:

– Неужто пиво?

– Это жених Эммы, – объясняет госпожа Мюршель. – Они скоро поженятся.

– Захомутила все-таки, – говорит Карл. – Ну да, буржуй. Пролетарий для нее недостаточно хорош.

– Вот видишь, – довольно улыбается отец Мюршель.

– Ты бы лучше деньги зарабатывал, а не рот открывал, – шипит фрау Мюршель.

– Что значит «видишь»? – говорит Карл с желчью своему отцу. – Настоящий буржуй мне всегда милее ваших социал-фашистов.

– Социал-фашисты, – сердито отвечает старик. – И кто же из нас фашист, ты, советский мальчишка?!

– Ну конечно, – говорит Карл, – вы, герои броненосных крейсеров...

Пиннеберг слушает их ругань с определенным удовлетворением. То, чем старик попрекал его, вернулось к нему же с процентами. Только картофельные оладьи от этого не становились лучше.

Да, не самое приятное знакомство. Совсем не так он представлял себе свою помолвку.

Ночной разговор о любви и деньгах.

Пиннеберг пропустил свой поезд, решив, что он может уехать и в четыре утра. Даже в этом случае он успеет на работу.

Они с Ягненком сидели в темной кухне. В чулане спал отец, в другой комнате – фрау Мюршель. Карл ушел на собрание КПГ.

Они придвинули два кухонных стула друг к другу и уселись спиной к остывшей плите. Дверь на маленький кухонный балкон открыта, ветер тихо колышет занавеску над дверью.

На улице – над жарким двором, где звучит радио, – ночное небо, темное, с очень бледными звездами.

– Я бы хотел, – говорит Пиннеберг тихо и сжимает руку Ягненка, – чтобы у нас было немного красивее. Знаешь... – он пытается описать это, – у нас должно быть светло и белые занавески, и все всегда до ужаса чисто.

– Я понимаю, – говорит Ягненок, – тебе, наверное, тяжело у нас, к этому ты не привык.

– Но я не это имел в виду, Ягненок.

– Да. Да. Почему ты не можешь это сказать? Это ведь действительно тяжело. То, что Карл с отцом постоянно ссорятся, – это плохо. И то, что отец с матерью всегда ругаются, тоже плохо. И то, что они всегда пытаются обмануть мать с деньгами на продукты и что мать обманывает их с едой... все это плохо.

– Но почему они такие? У вас в семье три человека зарабатывают, должно же все быть хорошо.

Ягненок не отвечает ему.

– Мне ведь здесь не место, – говорит она вместо этого. – Я всегда была Золушкой. Когда отец и Карл приходят домой, у них рабочий день заканчивается. А я начинаю мыть посуду, гладить, шить и штопать носки. Ах, дело не в этом, – восклицает она, – это можно было бы делать с удовольствием. Но то, что все это воспринимается как должное и что за это меня толкают и щиплют... я никогда не слышу ни одного доброго слова, и Карл делает вид, будто это он меня кормит, потому что платит больше за еду, чем я... Я ведь не зарабатываю много – сколько сейчас зарабатывает продавщица?

– Скоро все это закончится, – говорит Пиннеберг. – Совсем скоро.

– Дело не в этом, – стонет она в отчаянии, – дело не в этом. Но, знаешь, мальчик мой, они всегда по-настоящему презирали меня, «ты глупая», говорили они мне. Да, я не так умна. Я многого не понимаю. И притом я некрасивая...

– Но ты красивая!

– Ты ведь первый, кто мне это говорит. Когда мы ходили на танцы, я всегда оставалась сидеть за столиком одна. А когда мама говорила Карлу, чтобы он позвал своих друзей, он отвечал: кто будет танцевать с такой козой? Правда, ты первый...

Необычное чувство охватывает Пиннеберга. «Правда, – думает он, – ей не стоит так говорить. Я всегда думал, что она красивая. А может быть, она вовсе и не красивая...»

Но Ягненок продолжает:

– Слушай, мальчик мой, я совсем не хочу тебе жаловаться. Я просто хочу сказать тебе один-единственный раз, чтобы ты знал: я им не принадлежу, я принадлежу только тебе. Только тебе одному. И что я тебе ужасно благодарна, не только за Малыша, но и за то, что ты женишься на Золушке.

– Милая, – прошептал он. – Милая ты моя...

– Нет, не сейчас. И раз ты говоришь, что хочешь, чтобы у нас всегда было светло и чисто, ты должен понимать, что я никогда толком не училась готовить. И если я что-то буду делать неправильно, ты должен мне об этом сказать... И я никогда, никогда не буду тебя обманывать...

– Не переживай, Ягненок, все в порядке...

– И мы никогда-никогда не будем ссориться. О боже, мальчик мой, как счастливы мы будем вдвоем, я и ты. А потом втроем, с Малышом.

– А если это будет девочка?

– Это будет мальчик, говорю тебе, маленький сладкий Малыш.

Через некоторое время они вышли на балкон. Да, небо над крышами, в котором тонут яркие звезды, прекрасно. Они стоят некоторое время молча, обнимаясь, положив друг другу головы на плечи. После они возвращаются на эту бrenную землю с тесным двором, множеством ярких оконных квадратов и квакающим джазом.

– Мы тоже купим радио? – спрашивает он вдруг.

– Да, конечно. Знаешь, мне не будет так одиноко, когда ты будешь на работе. Но это потом. Нам еще нужно много всего купить!

– Точно, – отвечает он.

Тишина.

– Мальчик мой, – тихо начинает Ягненок. – Мне нужно тебя кое о чем спросить.

– Ну? – говорит он неуверенно.

– Только не сердись!

– Хорошо, – отвечает он.

– Тебе удалось что-то накопить?

Пауза.

– Немного, – отвечает он, колеблясь. – А тебе?

– Тоже немного. – И совсем быстро: – Но только совсем-совсем-совсем чуть-чуть.

- Скажи сколько, – говорит он.
- Нет, скажи ты сначала, – отвечает она.
- Я... – начинает он и замолкает.
- Ну, скажи уже! – просит она.
- Это действительно совсем немного, может быть, даже меньше, чем у тебя.
- Наверняка нет.
- Да. Наверняка.
- Пауза. Долгая пауза.
- Спроси меня, – просит он.
- Итак, – говорит она и глубоко вдыхает. – Это больше, чем...
- Она резко замолкает.
- Больше, чем что? – спрашивает он.
- Ой! – хихикает Ягненок. – Мне стыдно! У меня сто тридцать марок.
- Он гордо и медленно говорит:
- Четыреста семьдесят.
- О, отлично! – говорит Ягненок. – Это как раз шестьсот марок. Мальчик мой, это же целая куча денег!
- Ну... – бормочет он. – Я не считаю, что это много. Но холостяцкая жизнь ужасно дорога.
- А я из своих ста двадцати марок зарплаты должна была отдать семьдесят марок за еду и жилье.
- Долго же ты копила, – говорит он.
- Ужасно долго, – отвечает она. – Все никак не получалось.
- Пауза.
- Не думаю, что мы сразу найдем квартиру в Духерове, – говорит он.
- Тогда нам придется снять комнату, желательно с какой-никакой мебелью.
- Тогда мы сможем больше сэкономить на нашей мебели.
- Но я думаю, что комната с мебелью выйдет дороже.
- Ну, давай посчитаем, – предлагает он.
- Да. Мы должны рассчитать, как мы будем справляться. Мы будем считать, как будто ничего не скопили.
- Да, мы не должны трогать эти деньги, пусть копятся дальше. Итак, сто восемьдесят марок зарплаты...
- Женатым ты будешь получать больше.
- Ну, так-то да, но я даже не знаю... – Он очень смутился. – Согласно договору, может быть, но мой начальник такой странный...
- На твоем месте я бы не стала обращать внимания на его странности.
- Ягненок, давай сначала посчитаем исходя из ста восьмидесяти. Если будет больше, то так даже лучше, но пока что это все, что у нас есть.
- Хорошо, – соглашается она. – Так, сначала вычеты.
- Да, – говорит он. – С этим ничего не поделаешь. Налог – шесть марок – и страховка по безработице – две марки семьдесят. Касса взаимопомощи – четыре марки. Больничная касса – пять сорок. Профсоюз – четыре пятьдесят...
- Ну, твой профсоюз – это же лишнее...
- Пиннеберг нетерпеливо обрывает:
- Давай не будем об этом. Я уже наслушался об этом от твоего отца.
- Хорошо, – говорит Ягненок, – итого двадцать две шестьдесят вычетов. Тебе не нужен проездной?
- Слава богу, нет.
- Остается, значит, сто пятьдесят семь марок. Сколько стоит аренда?

- Да я не знаю. Комната и кухня с мебелью, наверняка около сорока марок.
- Скажем, сорок пять, – считает Ягненок. – Остается сто двенадцать марок и сорок пфеннигов. Как ты думаешь, сколько нам нужно на еду?
- Тебе лучше знать.
- Мама всегда говорит, что в день на каждого ей нужно полторы марки.
- Это девяносто марок в месяц, – говорит он.
- Тогда остается еще двадцать две марки и сорок пфеннигов, – говорит она.
- Они смотрят друг на друга. Ягненок быстро говорит:
- А мы ведь еще не посчитали отопление и газ... И свет. И почтовые расходы. Одежду, обувь и даже стирку... И еще нужно иногда покупать новую посуду...
- И он говорит:
- И еще хочется иногда сходить в кино. И в воскресенье выбраться куда-нибудь. И сигарету я тоже люблю покурить.
- А мы ведь еще и хотим что-то отложить.
- Хотя бы по двадцать марок в месяц.
- Тридцать.
- Но как?
- Давай пересчитаем еще раз.
- Сумма вряд ли изменится.
- И дешевле нам не найти ни комнаты, ни кухни.
- Может быть, марок на пять дешевле получится.
- Ну ладно, посмотрим. Газету ведь тоже иногда хочется почитать.
- Конечно. Мы можем сэкономить только на еде, ну хорошо, может быть, десять марок.
- Они снова смотрят друг на друга.
- Тогда мы все равно не укладываемся. И о накопительстве тоже не может быть и речи.
- Милый, – говорит она с тревогой, – разве ты всегда должен носить глаженую одежду? Я не могу сама ее гладить...
- Да, это требование начальника. Гладить рубашку стоит шестьдесят пфеннигов, а воротничок – десять пфеннигов.
- Это еще пять марок в месяц, – считает она.
- И подметки на обувь.
- Да, это тоже, да. Это тоже ужасно дорого.
- Пауза.
- Итак, давай еще раз посчитаем.
- Спустя некоторое время:
- Итак, мы снова вычтем десять марок из еды. Но дешевле семидесяти не получится.
- Как же живут остальные?
- Я тоже не знаю. Ужасно много людей живут на совсем другие деньги...
- Я этого не понимаю.
- Что-то здесь не так. Давай посчитаем еще раз.
- Они считают и считают, но не приходят к другому результату. Они смотрят друг на друга снова.
- Знаешь, – говорит вдруг Ягненок, – если я выйду замуж, я ведь смогу получать пособие по безработице...
- О, здорово! – говорит он. – Это точно не меньше ста двадцати марок.
- А твоя мама, – спрашивает она. – Ты никогда не рассказывал мне о ней.
- Там нечего рассказывать, – говорит он коротко, – я никогда ей не пишу.
- Так, – говорит она. – Ну, тогда...
- Снова тишина.

Они не могут сдвинуться с мертвой точки, поэтому снова выходят на балкон. Во дворе почти стемнело, и город затих. Вдалеке слышны гудки автомобилей.

Он задумывается:

– Стрижка стоит пфеннигов восемьдесят.

– О, перестань, – просит она. – Если другие могут так жить, то и у нас получится. Все будет в порядке.

– Послушай внимательно, Ягненочек, – говорит он. – Я не хочу выдавать тебе деньги на домашние расходы. В начале месяца мы будем складывать все деньги в одну общую копилку, и каждый будет брать из нее столько, сколько нужно.

– Хорошо, – говорит она. – У меня даже есть для этого симпатичная копилка, из керамики, синего цвета. Я тебе ее покажу. А потом мы будем ужасно экономными. Может быть, я даже научусь гладить рубашки.

– Пятипфенниковые сигареты тоже ерунда, – говорит он. – Есть вполне приличные за три.

– О боже, мальчик мой, – вскрикивает Ягненок, – мы совершенно забыли про Малыша!

Он ведь тоже стоит денег!

Пиннеберг размышляет:

– И во сколько же обойдется такой маленький ребенок? Есть, конечно, пособие для рожавших и пособие по уходу за ребенком, и налогов мы тоже будем платить меньше... Мне всегда казалось, что первые годы ребенок вообще ничего не стоит.

– Я не знаю, – говорит она с сомнением.

В дверях появляется белая фигура.

– Вы не хотите наконец-то лечь спать? – спрашивает фрау Мюршель. – Вы можете поспать еще три часа.

– Да, мама, – говорит Ягненок.

– Постель расстелена, – говорит старуха. – Я сегодня посплю с отцом. Карл ночевать не придет. Возьми его с собой, своего... – дверь захлопывается, и остается неясным, кого именно...

– Но мне действительно не хотелось бы... – говорит Пиннеберг несколько обиженно. – У твоих родителей не очень-то приятно...

– О боже, мальчик мой, – смеется она. – Кажется, Карл прав, ты буржуй...

– Ни капли! – протестует он. – Если это не помешает твоим родителям. – Он снова колеблется. – И если доктор Сезам ошибся... У меня с собой ничего нет.

– Тогда пойдем присядем на кухне, – предлагает она. – У меня уже все тело ломит.

– Хорошо-хорошо, Ягненочек, идем, – говорит он с раскаянием.

– Но зачем, если ты не хочешь?

– Я баран, Ягненочек! Просто баран!

– Ну вот, – говорит она. – Значит, мы подходим друг другу.

– Это мы еще посмотрим, – отвечает он.

Часть первая

В маленьком городе

Брак начинается со свадебного путешествия, но нужна ли нам гусятница?

Поезд, который в 14 часов 10 минут в эту августовскую субботу отправляется в Духеров, в своем купе для некурящих в вагоне третьего класса перевозит господина и госпожу Пиннеберг, а в багажном вагоне – «совершенно огромную» корзину для белья с вещами Эммы, мешок с постельным бельем – но только для ее кровати, – «о своей кровати он сам позаботится, какое нам дело до этого?» – и коробку из-под яиц, в которую аккуратно уложен фарфор.

Поезд стремительно покидает город Плац, на вокзале никого, последние пригородные дома остаются позади, теперь начинаются поля. Еще немного он едет вдоль сверкающего берега Штрелы, а затем вдоль железной дороги остается только березовый лес.

В купе, кроме них, сидит только угрюмый мужчина, который не может решить, чем ему заняться: читать газету, рассматривать пейзаж или наблюдать за молодой парочкой. Он неожиданно переходит от одного занятия к другому, и каждый раз, когда они уверены, что предугадали его действия, он вновь передумывает.

Пиннеберг демонстративно кладет правую руку на колено Ягненка. Кольцо приятно поблескивает на его безымянном пальце. В любом случае то, что видит этот мрачный господин, совершенно законно. Но сейчас тот, как назло, смотрит не на кольцо, а на пейзаж за окном.

– Красивое кольцо, – довольно говорит Пиннеберг. – Совсем не видно, что оно лишь позолоченное.

– Знаешь, такое странное чувство от этого кольца... Я постоянно чувствую его на пальце и от этого постоянно на него смотрю.

– Ты просто еще не привыкла. Те, кто давно в браке, вообще его не чувствуют. Даже потерять могут и вообще не заметить этого.

– Этого со мной не случится, – возмущается Ягненок. – Я буду его чувствовать везде и всегда.

– Я тоже, – объявляет Пиннеберг. – Оно напоминает мне о тебе.

– А мне о тебе!

Они наклоняются друг к другу все ближе и ближе. И отстраняются – странный мужчина вновь смотрит прямо на них без смущения.

– Он точно не из Духерова, – шепчет Пиннеберг, – иначе я бы его узнал.

– Ты что, всех там знаешь?

– Что касается тех, кто может быть интересен, конечно. Когда я раньше продавал одежду у Бергмана, то познакомился со многими.

– Почему ты тогда уволился? Это же твоя специальность.

– Поссорился с начальником, – коротко отвечает Пиннеберг.

Ягненок хочет расспрашивать его и дальше – она чувствует, что здесь кроется бездна, но предпочитает промолчать. Теперь, когда они официально поженились, у них есть время.

Он, похоже, тоже только что об этом подумал:

– Твоя мама, должно быть, давно дома, – говорит он.

– Да, – отвечает она. – Мама сердится, поэтому она и не пошла нас провожать. «Дрянь, а не свадьба», – сказала она, когда мы выходили из ЗАГСа.

– Значит, экономит деньги. Терпеть не могу все эти праздные посиделки с сальными шуточками.

- Конечно, – говорит Ягненок. – Но маму это бы позабавило.
- Мы не для того поженились, чтобы твою маму развлекать, – говорит он сдержанно.
- Пауза.
- Слушай, – снова начинает Ягненок, – мне ужасно интересно, как выглядит квартира.
- Ну что ж, надеюсь, она тебе понравится. В Духерове не такой большой выбор.
- Ну же, Ганнес, опиши ее мне еще раз.
- Красивое место, – говорит он и рассказывает то, что уже не раз говорил: – Я уже говорил, что она находится на самой окраине. Можно сказать, на природе.
- Это мне как раз и нравится.
- Это настоящий многоквартирный дом. Каменщик Мотес построил его там, надеясь, что и другие тоже потянутся, застроят эту территорию позже. Но никто больше там не построился.
- Почему?
- Не знаю. Людям могло показаться, что место слишком глухое – двадцать минут от города, далековато, да и мощеной дороги нет.
- Так, теперь о квартире, – напоминает она ему.
- Да, так вот, мы живем на самом верху, у вдовы Шарренхёфер.
- Какая она?
- О боже, ну что я могу сказать... Она живет очень скромно, хотя бывало и лучше, но инфляция... В общем, она мне много жаловалась...
- О боже!
- Она же не будет всегда жаловаться. И вообще, может, мы не будем заводить новых знакомств? Мы ведь с тобой не очень разговорчивые. Нам не нужно общаться с другими людьми. Нам и друг друга достаточно.
- Конечно. Но если она будет навязчивой?
- Не думаю. Она достойная пожилая дама, совершенно седая. И она ужасно боится за свои вещи, так как это память о ее покойной матери, и мы должны всегда осторожно садиться на диван, потому что пружины в нем старые, хоть и рабочие, но могут и не выдержать.
- Запомнить бы, – говорит Ягненок с тревогой. – Когда я радуюсь или грущу или я вдруг захочу заплакать, то не смогу думать о старых, но все еще рабочих пружинах.
- Тебе придется держать это в голове, – говорит Пиннеберг строго. – Ты просто обязана. А часы под стеклянным колпаком на комодике нельзя заводить ни тебе, ни мне, это она делает сама.
- Ну пусть сама и заводит свои старые противные часы. Я не хочу в своей квартире часов, которые не могу заводить.
- Все будет не так уж плохо. В конце концов, мы можем сказать, что их бой нам мешает.
- Сегодня же вечером и скажем! Я не знаю, может, такие особенные часы нужно заводить ночью. Так что скажи уже, наконец, как это: поднимаешься по лестнице, и там дверь в коридор. А потом...
- Потом идет прихожая, она у нас общая. А слева первая дверь – это наша кухня. То есть настоящей кухней ее не назовешь, конечно, – раньше это была просто мансарда, но там есть газовая плита...
- С двумя конфорками, – добавляет Ягненок грустно. – Как мне с этим справляться, ума не приложу. На двух конфорках ведь невозможно приготовить еду. У мамы их четыре.
- Но и с двумя вполне возможно.
- Ну, мальчик мой, послушай...
- У нас будет вполне простая пища, для этого хватит двух конфорок.
- Разумеется. Но ты же хочешь суп: первая кастрюля. А потом мясо: вторая кастрюля. И овощи: третья кастрюля. И картошка: четвертая кастрюля. Если я буду разогревать две кастрюли на двух конфорках, остальные две к тому времени остынут. Не так ли?!

– Да, – говорит он задумчиво. – Я тогда даже не знаю...

И вдруг, совершенно испугавшись:

– Но тогда тебе нужно купить четыре кастрюли!

– Да, нужно, – говорит она гордо. – И это еще не все. Мне нужна еще гусятница.

– О боже, а я купил только одну кастрюлю!

Ягненок непоколебима.

– Тогда нам придется купить еще три.

– Но это же не по средствам, снова придется использовать сбережения!

– Не беспокойся, мальчик мой, это не слишком большой удар по нашему бюджету. Что нужно, то нужно – а четыре кастрюли нам нужны.

– Я не думал, что так будет, – говорит он грустно. – Я думал, мы будем экономить, а теперь сразу начинаем тратить деньги.

– А если это необходимо?!

– Гусятница совершенно лишняя, – говорит он взволнованно. – Я никогда не ем тушеное. Никогда! Никогда! Из-за какого-то кусочка тушеного мяса покупать целую гусятницу! Никогда!

– А рулет? – спрашивает Ягненок. – А жаркое?

– Водопровода на кухне тоже нет, – говорит он в отчаянии. – За водой придется ходить на кухню к госпоже Шарренхёфер.

– О боже!

С одной стороны, брак выглядит чрезвычайно просто: двое женятся и заводят детей. Они живут вместе, стараются быть как можно добрее друг к другу и стремятся двигаться вперед. Товарищество, любовь, дружелюбие, еда, питье, сон, работа, домашние дела, воскресный выезд, иногда кино вечером. И все. Но с другой стороны, вся эта история распадается на тысячу отдельных проблем. Брак, в первоначальном смысле отходит на второй план, он подразумевается как предпосылка, но вот что же делать с гусятницей? И стоит ли ему сегодня вечером сказать госпоже Шарренхёфер, чтобы она убрала часы из комнаты? Вот в чем дело.

Они оба смутно об этом догадываются. Но сейчас им не до этих проблем: все гусятницы позабыты, поскольку они поняли, что остались одни в купе. Угрюмый мужчина куда-то недавно вышел. Они даже не заметили, когда он исчез. Гусятница и настенные часы позабыты, они обнимаются, наслаждаясь друг другом, поезд гудит. Время от времени они останавливаются, а затем целуются с новой силой, пока поезд не замедляет свой ход: Духеров.

– О боже, уже приехали! – говорят оба.

Пиннеберг секретничает, а Ягненок разгадывает загадки.

– Я заказал машину, – говорит Пиннеберг спешно, – дорога к нам была бы слишком долгой для тебя.

– Но зачем? Мы же хотели экономить! В прошлое воскресенье мы ведь два часа шли пешком!

– Но все твои вещи...

– Их мог бы принести какой-нибудь носильщик. Или кто-то из твоего магазина. У вас же есть стажеры...

– Нет, нет, мне это не нравится, это будет выглядеть как...

– Ну, хорошо, – покорно соглашается Ягненок, – как скажешь.

– И еще кое-что, – тараторит, пока поезд тормозит. – Мы не должны выглядеть как муж и жена. Мы будем делать вид, что просто знакомы.

– Но почему? – удивленно спрашивает Ягненок. – Мы ведь совершенно официально женаты!

– Знаешь, – объясняет он смущенно, – это из-за людей. Мы же не разослали приглашения, ничего не объявляли. И если они нас так увидят, они могут обидеться, правда?

– Я этого не понимаю, – недоумевает Ягненок. – Ты должен мне это еще раз объяснить. Почему люди могут обидеться на то, что мы женаты?

– Я тебе потом объясню. Не сейчас. Сейчас нам нужно... Ты возьмешь свой чемодан? Пожалуйста, води себя немного отчужденно.

Ягненок больше ничего не говорит, а только смотрит на своего мужа с сомнением. Он проявляет совершенную вежливость, помогает своей жене выйти из вагона, смущенно улыбаясь:

– Итак, это главный вокзал Духерова. Здесь еще есть узкоколейка до Марксфельда. Пожалуйста, сюда.

По лестнице он спускается с платформы, однако он идет слишком быстро для заботливого мужа – даже для мужа, который заказал машину, чтобы его жене не было тяжело идти. Он держится впереди на два-три шага. Они выходят через боковую дверь, там уже ожидает такси с поднятым верхом.

Шофер говорит:

– Добрый день, господин Пиннеберг. Добрый день, милая леди.

Пиннеберг торопливо бормочет:

– Одну минуту, пожалуйста. Проходи, садись. Я тем временем позабочусь о багаже. – И уходит.

Ягненок стоит и смотрит на площадь вокзала с его маленькими двухэтажными домиками. Прямо напротив находится привокзальный отель.

– Здесь магазин Кляйнхольца? – спрашивает она шофера.

– Где работает господин Пиннеберг? Нет, милая леди, мы проедем мимо него позже. Это прямо на рыночной площади, рядом с ратушей.

– Слушайте, – говорит Ягненок. – Не можем ли мы опустить верх у машины? Сегодня такой прекрасный день.

– Извините, милая леди, – качает головой шофер. – Господин Пиннеберг заказал закрытую машину. Обычно в такую погоду я, конечно, езжу в открытой.

– Ну, хорошо, – неохотно соглашается Ягненок, – раз уж так сказал господин Пиннеберг. – И садится в машину.

Она наблюдает за тем, как Пиннеберг идет за носильщиком, который тащит чемодан, тюфяк и ящик на тележке. Вот уже пять минут, как она смотрит на своего мужа другими глазами, она замечает, что у него правая рука в кармане брюк. Обычно он так не делает – он вообще так никогда не делал. Но сейчас он почему-то прячет руку в кармане...

Затем они трогаются с места.

– Итак. – Он смущенно смеется. – Теперь ты увидишь весь Духеров целиком. Духеров – это на самом деле одна длинная улица.

– Ага, – отвечает она, – ты еще хотел объяснить мне, почему люди могут обидеться.

– Потом, все потом, – говорит он. – Сейчас не самое удачное время об этом говорить. Нас ждет ужасно долгая дорога.

– Ну, тогда потом, – говорит она и тоже замолкает.

Но снова ей что-то бросается в глаза: он весь съежился, если кто-то случайно заглянет в машину, его точно не узнают.

– Вот и твой магазин, – говорит она. – Эмиль Кляйнхольц. Зерно, корма и удобрения. Картошка оптом и в розницу. – Я могла бы покупать у тебя картошку.

– Нет, нет, – говорит он торопливо. – Это старая вывеска. У нас больше нет картошки в розницу.

– Жаль, – говорит она. – Мне бы понравилось, если бы я пришла к тебе в магазин и купила десять фунтов картошки. Я бы даже не притворялась замужней.

– Да, жаль, – соглашается он. – Это было бы очень мило.

Она энергично стучит носком обуви по полу и возмущенно вздыхает, но больше ничего не говорит. Позже она задумчиво спрашивает:

– У нас тут есть вода?

– Для чего? – осторожно спрашивает он.

– Ну, чтобы купаться! Что значит «для чего»? – нетерпеливо отвечает Ягненок.

– Да, здесь можно купаться, – отвечает он.

И они продолжают ехать, вскоре выезжая с главной дороги.

– Полевая улица, – читает Ягненок. Отдельные дома, везде сады. – Слушай, здесь очень красиво, – говорит она с радостью. – Так много цветов!

Автомобиль буквально подпрыгивает.

– Теперь мы в Зеленом конце, – говорит он.

– В Зеленом конце?

– Да, наша улица называется Зеленый конец.

– Это улица?! Я уж думала, что шофер заблудился.

Слева огороженное колючей проволокой пастбище с парой коров и одной лошадю. Справа поле, где цветет красный клевер.

– Открой же окно! – просит она.

– Мы уже на месте.

И пастбище и равнина закончились. Здесь город поставил свой последний памятник – и какой! Узкий и высокий дом мастера-каменщика Мотеса стоит в низине, коричнево-желтый, оштукатуренный только спереди, боковые стены обветшали и нуждаются в ремонте.

– Красивым его не назовешь, – смотрит на него Ягненок снизу вверх.

– Но внутри действительно уютно, – подбадривает он ее.

– Так давай зайдем внутрь, – говорит она. – Малышу здесь понравится, так здорово.

Пиннеберг и шофер берутся за корзины, Ягненок берет коробку из-под яиц, шофер объясняет:

– Тюфяк я принесу позже.

На первом этаже, где находится магазин, пахнет сыром и сырой картошкой, на втором этаже снова нестерпимо пахнет сыром, его запах сбивает с ног, он царит и на третьем этаже, а прямо под крышей снова пахнет картошкой, затхло и влажно.

– Что это такое, объясни, пожалуйста! Почему пропал запах сыра?

Но Пиннеберг уже открывает дверь.

– Давай сразу пойдем в комнату?

Они проходят через маленькую прихожую – она действительно очень маленькая – справа стоит гардероб, а слева – сундук. Мужчины с корзиной едва ли могут пройти.

– Ну, вот! – торжественно Пиннеберг и распахивает дверь.

Ягненок переступает порог.

– О боже, – говорит она растерянно. – Что здесь?..

Она роняет все, что держала в руках, на обитый плюшем диван – под ящиком из-под яиц скрипят пружины – и бежит к окну; в длинной комнате четыре больших светлых окна, она распахивает одно из них и смотрит наружу.

Внизу находится улица, разбитая полевыми дорогами с песчаными колеями, поросшими травой, лебедой и чертополохом. А дальше клеверное поле – теперь она чувствует его запах, – ничто не пахнет так прекрасно, как цветущий клевер, на который целый день светило солнце.

К полю клевера примыкают и другие поля, желтые и зеленые, некоторые из них уже скошены. А далее глубокие зеленые полосы – луга, – между ивами, ольхой и тополями течет Штрела, узкая речка.

«К моему дому, – думает Ягненок. – Она течет к моему дому, где я трудилась и мучилась и была совершенно одна. Везде одни стены, камни... А здесь все так просторно».

И теперь она вдруг замечает рядом своего милого мужа, который уже разделался с шофером и постельным мешком; теперь его лицо беззаботно и сияет от счастья.

Она говорит ему:

– Посмотри на все это! Здесь вполне можно жить...

Она протягивает ему правую руку, и он берет ее своей левой.

– Какое чудесное лето! – восклицает она и описывает свободной рукой полукруг.

– Видишь вон ту колею? Это узкоколейка до Максфельде, – говорит он.

Внизу появляется шофер. Он, вероятно, был в магазине, потому что салютует им бутылкой пива. Мужчина тщательно вытирает горлышко ладонью, откидывает голову назад, кричит:

– Ваше здоровье! – И пьет.

– На здоровье! – кричит Пиннеберг и отпускает руку Ягненка.

– Ну, – говорит Ягненок, – а теперь давай посмотрим на эту комнату ужасов.

Конечно, это что-то странное: ты только что смотрел на простор полей и видишь комнату, в которой... Ну, учитывая, что Ягненок действительно не избалована, она лишь однажды видела в витрине на Майнцерштрассе простую дешевую мебель. Но это...

– Пожалуйста, мальчик мой, – говорит она. – Возьми меня за руку и веди. Я боюсь, что что-то уроню или застряну и тут уж ни взад, ни вперед.

– Ну, не так уж здесь и плохо, – говорит он немного обиженно. – Я думаю, здесь очень уютный уголок.

– Да, уютный, – говорит она. – Но скажи мне ради бога, что это все такое? Нет, не говори ни слова. Мы должны подойти ближе, я должна сама это рассмотреть.

Они отправляются в путь, но комната узкая, и им приходится идти друг за другом, Ягненок не отпускает своего Ганнеса. Итак, комната похожа на ущелье, бесконечно длинное, словно русло ручья. И пока четыре пятых этого ущелья полностью заполнены мягкой мебелью, ореховыми столами, витринами, трюмо, жардиньеркой, этажерками и большой клеткой для попугая (без попугая), в последней пятой части стоят только две кровати и умывальник. Но именно то, как разделены четвертая и пятая части комнаты, привлекает Ягненка. Жилая и спальная части разделены не с помощью гипсокартонной стены, не занавеской, не ширмой. Скорее, с помощью реек сделано нечто вроде решетки, подобной шпалере для виноградной лозы от пола до потолка с аркой для прохода. И эти рейки не просто гладкие и деревянные, а красиво покрытые коричневым ореховым лаком, каждая с пятью параллельными бороздками. И чтобы решетка не выглядела так голо, в нее вплетены цветы – цветы из бумаги и ткани – розы, нарциссы и букетики фиалок. А еще зеленые бумажные гирлянды, которые знакомы им с пивных фестивалей.

– О боже! – говорит Ягненок и садится. Она садится там же, где стоит, не опасаясь, что упадет, – повсюду что-то есть, везде что-то находится, и она тут же упирается в плетеный стул для пианино из черного дерева, стоящий одиноко, без самого пианино.

Пиннеберг молча стоит рядом. Он не знает, что сказать. Ему на самом деле все было довольно ясно еще в момент, когда он снимал эту комнатку, и шпалера тогда показалась ему довольно забавной.

Вдруг глаза Ягненка начинают искриться, ее ноги снова обретают силу, она встает, подходит к цветочной решетке и проводит пальцем по одной из реек. На рейке, как уже было сказано, есть бороздки, гребни и выемки, и Ягненок смотрит на свой палец.

– Вот! – говорит она и показывает юноше палец. Палец серый.

– Ну, немного пыльно, – говорит он осторожно.

– Немного! – Ягненок смотрит на него горящими глазами. – Ты же наймешь для меня служанку, да? Служанка должна убираться здесь минимум пять часов в день.

– Но почему? Зачем?

– А кто же должен это убирать, скажи? Эти девяносто три предмета мебели со своими выемками и ручками и колоннами и раковинами... Ну да, конечно, я могла бы и сама это сделать, хотя такой ерундой заниматься – просто грех... С одной только шпалерой в одиночку я буду возиться по три часа в день. И потом эти бумажные цветы...

Она щелкает пальцем по розочке – цветок падает на пол, и за ней в солнечном свете танцуют миллионы серых пылинок.

– Ты наймешь мне служанку, да? – спрашивает Ягненок, сейчас совсем не похожая на ягненка.

– Может, достаточно будет прибираться раз в неделю?

– Какая чушь! И вот здесь должен расти Малыш? Да он себе все ручки и ножки отобьет об эту ужасную мебель!

– К тому времени, возможно, у нас будет квартира.

– К тому времени! А кто будет тут зимой топить? Под самой крышей! Две наружные стены! Четыре окна! Каждый день полцентнера брикетов угля, иначе умрешь от холода!

– Да, знаешь, – говорит он несколько обиженно, – меблированная комната, конечно, никогда не будет такой, как своя квартира.

– Это я знаю. Сам скажи, как тебе тут? Тебе тут нравится? Ты бы хотел здесь жить? Представь себе, ты приходишь домой и боишься в сторону ступить, да еще повсюду кружевные салфетки. Ай! Так я и думала, они на булавках!

– Но мы не найдем ничего лучше.

– Я найду, уж не переживай. Когда мы сможем отказаться от комнаты?

– Первого сентября, но...

– А съехать когда?

– Тридцатого сентября, но...

– Полтора месяца, боже мой, – стонет она. – Что ж, я потерплю, ничего. Только бедняжку Малыша жалко, придется ему вместе со мной все это пережить. А я-то думала, мы с ним так хорошо гулять будем! Не тут-то было. Придется мне тут убираться.

– Но мы не можем так сразу отказаться!

– Конечно можем. Лучше всего прямо сейчас, сегодня, в эту самую минуту! – Она стоит, полная решимости, вся раскрасневшаяся, с вызывающим видом, глаза сверкают, голова запрокинута назад.

Пиннеберг медленно говорит:

– Знаешь, Ягненок, я тебя себе совсем иначе представлял. Гораздо мягче...

Она смеется, бросается к нему и проводит рукой по его волосам.

– Конечно, я совсем не такая, как ты думал, я знаю. Неужели ты думал, что я сделана из сахарной ваты? Я ведь начала работать, еще когда училась в школе! Да еще с таким-то братом, отцом, начальником и сослуживцами!

– Да, знаешь... – говорит он задумчиво.

Часы – знаменитые стеклянные часы на каминной полке между фигуркой Амура и стеклянной иволгой – спешно бьют семь раз.

– Вперед, мальчик мой! Нам еще нужно спуститься в магазин, купить продуктов к ужину и что-нибудь на завтра. Теперь мне действительно интересно взглянуть на так называемую кухню!

Пиннеберги наносят визит, льются слезы, бьют помолвочные часы.

Закончился ужин. Ужин, который был куплен, приготовлен, оживлен разговором и наполнен планами совершенно изменившегося Ягненка. На столе был хлеб, мясное ассорти, а также чай. Пиннеберг, конечно, больше любил пиво, но Ягненок объяснила:

– Во-первых, чай дешевле. А во-вторых, для Малыша пиво совсем не годится. До родов мы не выпьем ни капли алкоголя. И вообще...

«Мы», – подумал Пиннеберг с грустью, но спросил лишь:

– Что вообще?

– И вообще, это мы только сегодня вечером так щедро угощаемся. Минимум дважды в неделю будут только жареный картофель и хлеб с маргарином. Хорошее масло – может быть, по воскресеньям. В маргарине ведь тоже есть витамины.

– Но не те же самые, что в масле, – осторожно возражает Пиннеберг.

– Хорошо, либо мы хотим копить дальше и продвигаться вперед, либо нам постепенно придется использовать сбережения.

– Нет, нет, – спешит сказать он.

– Так, а теперь убираем со стола, – командует Ягненок. – Посуду я вымою завтра утром. А потом я соберу часть вещей, и мы посетим госпожу Шарренхёфер. Это будет кстати.

– Ты действительно хочешь отказаться сразу же, в первый вечер?

– Сразу. Она должна знать об этом. Кстати, она могла бы давно навестить нас сама.

На кухне, которая на самом деле представляет собой просто чулан с газовой плитой, Ягненок говорит еще раз:

– В конце концов, шесть недель тоже быстро пролетят.

Вернувшись в комнату, она начинает суетиться. Она снимает все покрывала и салфетки и аккуратно складывает их.

– Быстрее, мальчик мой, принеси блюдце из кухни, я соберу булавки. Пусть не думает, будто мы хотим их украсть.

Наконец она берет охапку покрывал и еще раз оглядывается:

– А ты бери часы, милый.

Он все еще сомневается:

– Уверена?

– Ты берешь часы. Я пойду первой и открою тебе двери.

Она действительно идет первой, совершенно без страха, сначала через маленький коридор, затем в комнату, похожую на чулан, с метлой и всяким хламом, потом через кухню...

– Видишь, мальчик мой, вот это кухня! А сюда мне разрешено только за водой ходить!

...затем через спальню, длинное узкое помещение, только с двумя кроватями...

– Неужели она оставила кровать своего покойного мужа? Хорошо, что нам в ней не спать.

...и затем в маленькую комнату, почти полностью темную, так как единственное окно занавешено толстыми плюшевыми портьерами.

Фрау Пиннеберг останавливается в дверях. Неуверенно говорит в темноту:

– Добрый вечер. Мы просто хотели поздороваться.

– Минутку, – хнычет хозяйка. – Одну минутку. Я сейчас включу свет.

За спиной Ягненка возится Пиннеберг, она слышит, как драгоценные часы тихо звенят. Он, вероятно, старается поскорее от них избавиться.

«Все мужчины трусы», – думает Ягненок.

– Сейчас я включу свет, – говорит жалобный голос из того же угла. – Вы пришли меня навестить, молодые люди? Я только немного приведу себя в порядок, я всегда немного плачу по вечерам...

– Да? – спрашивает Ягненок. – Знаете, если мы мешаем... Мы просто хотели...

– Нет-нет, я сейчас зажгу свет. Оставайтесь, молодые люди. Я обязательно расскажу вам, почему я плакала, вот только включу свет...

И вдруг действительно становится светло, если, по мнению старухи Шарренхёфер, это можно назвать светом: тусклая лампочка прямо под потолком, смутный полумрак между бархатом и плюшем, в нем все бледное, мертвенно-серое. И в темноте стоит большая костлявая женщина, свинцового цвета, с красноватым длинным носом, заплаканными глазами, с тонкими, белесо-серыми волосами, в сером платье из шерсти альпаки.

– Молодые люди, – говорит она и протягивает Ягненку влажную костлявую руку. – У меня гости! Молодые люди!

Ягненок крепко прижимает к себе сверток с одеялом. Лишь бы старуха не увидела его своими мутными заплаканными глазами! Хорошо, что Ганнес избавился от своих часов, может быть, их можно будет забрать позже, незаметно. Все мужество вмиг покинуло Ягненка.

– Но мы действительно не хотели вам мешать, – говорит Ягненок.

– Как вы можете мешать? Ко мне никто больше не приходит. Да, конечно, пока мой чудесный муж был еще жив... Но его, к сожалению, больше с нами нет.

– Он был сильно болен? – спрашивает Ягненок и пугается своего глупого вопроса.

Но старуха этого даже не слышит.

– Смотрите! – говорит она. – Молодые люди, у нас перед войной было хорошо даже с нашими пятьюдесятью тысячами марок. А теперь все деньги кончились. Как же могут закончиться деньги? – спрашивает она с тревогой.

– Разве старуха может столько потратить? – изумленно шепчет Ягненок.

– Инфляция, – так же шепотом отзывается Пиннеберг.

– Не может быть, чтобы все кончилось, – говорит вдова, будто ничего не слыша. – Я всегда все записывала, а теперь вот сижу, считаю. Вот: один фунт масла – три тысячи марок... Может ли фунт масла стоить три тысячи марок?

– При инфляции... – начинает также Ягненок.

– Я скажу вам. Я теперь знаю, что мои деньги украли. Кто-то, кто жил здесь на квартире, украл их у меня. Я сижу и думаю: кто это был? Но я не могу запомнить имена, и столько людей здесь жило с тех пор, как началась война. Я сижу, размышляю. Он мне еще вспомнится, он был очень умный, и я не заметила, что он подделал мою бухгалтерскую книгу. Из трех сделал три тысячи, я этого не заметила.

Ягненок в отчаянии смотрит на Пиннеберга. Пиннеберг не поднимает головы.

– Пятьдесят тысяч... как можно потратить все пятьдесят тысяч? Я сидела здесь, считала, что я купила за эти годы, с тех пор как моего мужа нет, чулки и несколько рубашек – у меня было хорошее приданое, мне не нужно много, все записано. Никаких пятидесяти тысяч, говорю вам...

– Но ведь была же девальвация, – делает новую попытку Ягненок.

– У меня их украли, – говорит старая женщина жалобно, и светлые слезы легко текут из ее глаз. – Я хочу показать вам книги... я сейчас это заметила, цифры стали совсем другие, очень много нулей.

Она встает и идет к столу, где лежат бухгалтерские книги.

– В этом и правда нет необходимости, – говорят Пиннеберг и Ягненок.

В этот момент случается вот что: часы, которые Пиннеберг оставил у двери в старухину спальню, начинают звонко бить девять часов.

Старуха застывает на полпути. Подняв голову, она вглядывается в темноту, прислушивается с полуоткрытым ртом и дрожащей губой.

– Что это? – встревоженно спрашивает она.

Ягненок хватается Пиннеберга за руку.

– Это часы, подаренные мне мужем в честь помолвки. Они же стояли в другой комнате? Часы перестают бить.

– Мы хотели вас попросить, фрау Шарренхёфер... – начинает Ягненок.

Но старуха уже не слышит – возможно, она вообще никогда не обращает внимания на то, что говорят другие. Она открывает дверь: там стоят часы, их видно даже при таком тусклом свете.

– Молодые люди вернули мне мои часы, – шепчет она. – Помолвочные часы моего мужа. Молодым людям у меня не нравится. Они тоже не останутся со мной. Никто не остается...

И как только она это сказала, часы снова начали бить, еще быстрее, еще звонче, почти как стекло, удар за ударом, десять раз, пятнадцать раз, двадцать раз, тридцать раз...

– Это от переноски. Их нельзя двигать, – шепчет Пиннеберг.

– О боже, пойдем скорее! – умоляет Ягненок.

Они встают. Но в дверях стоит старуха, не давая пройти, смотрит на часы.

– Они бьют, – шепчет она. – Бьют без остановки. А потом они больше не будут бить никогда. Я слышу их в последний раз. Все уходит от меня. Деньги тоже пропали. Когда часы били, я всегда думала: еще мой муж слышал их...

Часы наконец умолкли.

– Простите, фрау Шарренхёфер, мне очень жаль, что я тронула ваши часы. Я виновата, – всхлипывает Ягненок. – Только я...

– Идите, молодые люди, идите. Так и должно быть. Спокойной ночи, молодые люди.

Оба проходят мимо, испуганно, робко, как дети.

Вдруг старуха четко и громко кричит:

– Не забудьте в понедельник зарегистрироваться в полиции! Иначе у меня будут неприятности.

Завеса тайны приподнимается. Бергман и Кляйнхольц. Почему Пиннеберг не может быть женат.

Они не совсем поняли, как попали в свою комнату через все эти темные переполненные вещами помещения, держась за руки, как испуганные дети. Теперь они стоят в своей комнатухе, такой жуткой, рядом друг с другом, в темноте. Кажется, что свет противится им, как будто он может стать таким же мрачным, как тусклый свет у старой женщины по соседству.

– Это было ужасно, – говорит Ягненок, глубоко вздыхая.

– Да, – отвечает он. И через некоторое время снова продолжает: – Да. Она сошла с ума, Ягненок, от горя... из-за своих денег.

– Да это так. А я... – оба все еще стоят, держась за руки в темноте... – а я должна целый день быть здесь одна в квартире, и она в любой момент может ко мне зайти. Нет! Нет! Нет!

– Успокойся, Ягненок. На днях она была совсем другой. Возможно, это было всего лишь один раз.

– Молодые люди... – повторяет Ягненок. – Она говорит так противно, как будто мы чего-то еще не знаем. Мальчик мой, я не хочу стать такой же, как она! Ну, я ведь не стану такой?! Мне страшно.

– Но ты же Ягненок, – говорит он и обнимает ее. Она такая беспомощная, такая маленькая, и она ищет у него защиты. – Ты же Ягненок и останешься Ягненком, как ты можешь стать такой, как старуха Шарренхёфер?

– Правда? И для нашего Малыша тоже нехорошо, если я буду здесь жить. Он не должен пугаться, его мама всегда должна быть веселой, чтобы он тоже был веселым.

– Да, да, – говорит он, поглаживая ее и укачивая. – Все наладится, все устроится.

– Ты всегда так говоришь. Но ты не обещаешь мне, что мы съедем. Пообещай, прошу!

– А разве мы сможем? Разве у нас есть деньги на то, чтобы платить за две квартиры полтора месяца?

– Ах, деньги! – говорит она. – Разве я должна волноваться, разве Малыш должен переживать из-за денег?

– Да, ах, эти деньги, – передразнивает он. – Эти проклятые деньги. Эти милые деньги.

Он баюкает ее в своих руках. Он неожиданно чувствует себя умным и взрослым – то, что раньше имело значение, теперь уже совсем неважно. Он может быть честным:

– У меня нет особых талантов, Ягненок, – говорит он. – Думаю, я не смогу добиться успеха. Нам всегда придется бороться за деньги.

– Ох, милый... – говорит она нараспев. – Милый ты мой мальчик...

Ветер колышет белые занавески на окнах. Комната залита мягким светом. Словно притянутые волшебством, они идут рука об руку к открытому окну и выглядывают наружу.

Луга лежат перед ними в лунном свете. Справа мерцает дрожащая точка: последний газовый фонарь на Фельдштрассе. Перед ними раскинулось поле, красиво разделенное на дружеское светлое пространство и мягкую глубокую тень, где стоят деревья. Так тихо, что они слышат, как Штрела струится по камням. А ночной ветер нежно касается их волос.

– Как здесь красиво, – говорит она. – Как спокойно!

– Да, – отвечает он. – Это действительно приятно. Дыши глубже, воздух здесь совсем не тот, что у вас в Плаце.

– У нас... Я больше не в Плаце, я больше ему не принадлежу, я в Зеленом конце у вдовы Шарренхёфер...

– Только у нее?

– Только у нее.

– Спустимся вниз?

– погоди, мальчик мой, давай отдохнем здесь еще немного. Я должна тебя кое о чем спросить.

«Вот оно что», – думает он.

Но она не спрашивает. Она прислонилась к окну, ветер колышет ее светлые волосы на лбу, укладывая их то так, то эдак. Он наблюдает за этим.

– Так спокойно... – говорит Ягненок.

– Да, – отвечает он. – А лучше иди в постель, Ягненок.

– Разве мы не можем немного посидеть? Завтра можно спать долго, ведь будет воскресенье. И потом я хочу тебя кое о чем спросить.

– Так спрашивай уже!

Его голос звучит немного раздраженно. Пиннеберг достает сигарету, осторожно зажигает ее, делает глубокую затяжку и снова говорит, но заметно мягче:

– Спрашивай уже, Ягненок.

– Ты разве сам не знаешь?

– Откуда мне знать, о чем ты хочешь спросить!

– Ты знаешь! – упрямится она.

– Нет, точно не знаю, Ягненок...

– Знаешь-знаешь...

– Ягненок, пожалуйста, будь разумной. Спрашивай уже!

– Сам не догадаешься?

– Ну тогда не спрашивай! – обиженно фыркает он.

– Мальчик мой, – говорит она. – Ты помнишь, как мы сидели на кухне? В день нашей помолвки? Было совсем темно, и так много звезд, и иногда мы выходили на кухонный балкон.

– Да, – отвечает он угрюмо. – Я все помню. И что?

– Ты не помнишь, о чем мы там говорили?

– Слушай, мы тогда много болтали. Разве я могу обо всем помнить!

– Но мы обсуждали кое-что очень конкретное. Мы даже пообещали друг другу.

– Не знаю, – коротко отвечает он.

И вот перед Эммой Пиннеберг, урожденной Мюршель, раскинулось это лунное поле. Маленькая газовая лампа справа подмигивает. А прямо напротив, на этом берегу Штрелы, стоят пять или шесть деревьев. Штрела журчит, а ночной ветер очень ласков. Все это действительно очень приятно, и можно было бы оставить этот вечер таким, какой он есть: приятным. Но в Ягненке есть что-то, что беспокоит и не дает покоя, что-то вроде голоса: это же лживое приятное состояние, это же самообман. Можно оставить все как есть, и тогда вдруг окажешься по уши в грязи.

Ягненок резко поворачивается к пейзажу спиной и говорит:

– Нет, мы кое-что пообещали. Мы пообещали друг другу быть всегда честными и не иметь секретов друг от друга.

– Позволь напомнить, это было иначе. Это ты мне пообещала.

– А ты разве не хочешь быть честным со мной?

– Хочу, конечно. Но есть вещи, которые женщинам знать не нужно.

– Вот как! – Ягненок выглядит совершенно пораженной. Но она быстро приходит в себя и торопливо добавляет: – А то, что ты дал водителю пять марок, когда такси стоило всего две марки сорок, – это такая вещь, которую мы, женщины, не должны знать?

– Он же поднял чемодан и мешок с постельным бельем!

– За две марки шестьдесят? А почему ты держал правую руку в кармане, чтобы не видно было кольца? А почему крыша машины должна была быть закрыта? А почему ты раньше не пошел вниз за покупками, пока там кто-то был? А почему люди могут обидеться на то, что мы поженились? А почему?..

– Ягненок, – говорит он, – Ягненок, я действительно не хочу...

– Это все ерунда, мальчик мой, – отвечает она, – ты просто не должен иметь секретов от меня. Если у нас появятся секреты, мы начнем врать друг другу, и тогда у нас будет как у всех остальных.

– Да, да, Ягненочек, но...

– Ты можешь сказать мне все, мальчик, абсолютно все! Даже если ты называешь меня Ягненком, я не такая наивная. Я ведь ни в чем тебя не упрекну!

– Да, да, Ягненочек, знаешь... На самом деле, все не так просто. Я бы хотел, но... это выглядит так глупо, это звучит так...

– Дело в другой девушке? – спрашивает она решительно.

– Нет. Нет. Или да, но все не так, как ты думаешь.

– Как же? Расскажи мне, мальчик мой. Ах, мне ужасно интересно.

– Ну, Ягненок, если ты настаиваешь... – Но он снова колеблется. – Может, я могу рассказать тебе об этом завтра?

– Нет, расскажи сейчас! Прямо сейчас! Ты думаешь, я смогу уснуть, если буду ломать себе голову над этим? Это связано с девушкой, но не совсем с девушкой... Это звучит так загадочно.

– Ну, тогда слушай. Начну с Бергмана... ты ведь знаешь, что вначале я работал у Бергмана?

– В магазине одежды, да. И я тоже считаю магазин одежды намного привлекательнее, чем картошка и удобрения. Удобрения... Вы даже продаете настоящий навоз?

– Если ты сейчас будешь надо мной смеяться, Ягненок!..

– Я слушаю.

Она села на подоконник и поочередно смотрит на своего мужа и на лунное поле. Она может снова на него смотреть. Ведь все это так прекрасно.

– Так вот, у Бергмана я был первым продавцом с зарплатой в сто семьдесят марок...

– Первый продавец и сто семьдесят марок?!

– Тише! Мне всегда приходилось обслуживать господина Эмиля Кляйнхольца. Ему нужно было много костюмов. Знаешь, он пьет. Ему приходится это делать по работе с фермерами и помещиками. Но сам он не переносит алкоголь. И поэтому он частенько валяется на улице и пачкает свои костюмы.

– Ужас! Как же он выглядит?

– Слушай дальше. Так вот, мне всегда приходилось его обслуживать – так как ни начальнику, ни начальнице не удавалось ему угодить. Если меня не было, они терпели убытки, а я всегда находил к нему подход. И при этом он говорил мне, что если я хочу измениться, что если мне надоела еврейская экономика, у него чисто арийское предприятие и хорошая должность бухгалтера, и у него я смогу зарабатывать больше... Я думал: говори что хочешь! Я ценю то, что у меня есть, а Бергман вовсе неплохой, всегда порядочно относится к сотрудникам.

– И почему же ты все-таки ушел от него к Кляйнхольцу?

– Ах, из-за такой ерунды. Знаешь, Ягненок, здесь, в Духерове, так устроено, что каждое утро каждое предприятие забирает почту от ведомства с помощью стажеров. Другие из нашей отрасли тоже: Штерн, Нойвирт и Моисей Минден. И стажерам строго запрещено показывать друг другу почту. На пакетах они должны сразу же толстым маркером зачеркивать отправителя, чтобы конкуренты не догадались, где и что мы покупаем. Но стажеры все знакомы с училища, и часто болтают друг с другом, и забывают зачеркивать. А некоторые и в самом деле шпионят, особенно Моисей Минден.

– Ох, в маленьких городках все так мелко... – вздыхает Ягненок.

– В больших городах все то же самое. Так вот, «Рейхсбаннер» хотел купить триста ветровок. И все четыре наших текстильных магазина получили запрос на предложение. Мы знали, что конкуренты шпионят, хотят выяснить, откуда мы получаем наши образцы. И поскольку мы не доверяли стажерам, я сказал Бергману: я сам пойду, сам заберу почту в эти дни.

– Ну? И? Они выяснили? – спрашивает Ягненок с интересом.

– Нет, – говорит он и выглядит сильно обиженным, – конечно, нет. Если хоть один стажер всего на десять метров приближался к моим пакетам, я сразу грозился навешать ему тумачков. Заказ получили мы.

– Ах, мальчик мой, ну расскажи же наконец. Когда в истории появится та девушка, о которой я должна знать? Ведь не по этой причине ты ушел от Бергмана.

– Да, я уже говорил, – говорит он довольно смущенно, – это случилось из-за полнейшей ерунды. Две недели я сам забирал почту. И это так понравилось начальнице, что между восьмью и девятью у меня все равно не было дел в магазине, а стажеры в то время, пока меня не было, могли подметать склад, так что она просто объявила: «Господин Пиннеберг, теперь вы всегда будете забирать почту». А я сказал: «Нет, с чего бы мне это делать? Я успешный продавец, я не буду бегать с пакетами по городу». А она сказала: «Будете!» А я сказал: «Нет!» В конце концов, мы оба разошлись, и я ответил ей: «Вы вообще не имеете права мне приказывать. Не вы меня нанимали, а господин Бергман!»

– А что сказал начальник?

– Что он мог сказать? Он же не мог признать, что его жена неправа! Он все меня уговаривал, а потом, когда я продолжил упорствовать, неловко сказал: «Ну что ж, тогда нам придется расстаться, господин Пиннеберг!» А я ответил, так как вдоволь разгорячился: «Хорошо, расстанемся к первому числу». Он сказал: «Вы еще одумаетесь, господин Пиннеберг». И я бы одумался, но тут как раз пришел несчастный Кляйнхольц и заметил, что я взволнован, и стал все выпытывать, и в итоге пригласил меня к себе тем вечером. Мы выпили коньяка и пива, а когда я вернулся домой, меня уже наняли бухгалтером за сто восемьдесят марок. Хотя я о настоящем бухгалтерском учете почти ничего не знал!

– О, мальчик мой! А твой другой начальник, Бергман? Что он сказал?

– Ему было жаль. Он уговаривал меня: «Откажитесь от этого, Пиннеберг», – и все время повторял: «Вы же не собираетесь с открытыми глазами бежать навстречу собственной гибели?! Вам ведь придется жениться на его дочурке – сыночек ведь того и гляди доведет своего папеле до белой горячки. А дочка еще хуже, чем сыночек».

– Твой начальник так и сказал «папеле»?

– Ну да, здесь ведь все правоверные евреи. Они очень этим гордятся. Говорят: «Не будь подлецом, ты же еврей».

– Мне евреи не очень нравятся, – говорит Ягненок. – А что насчет дочери?

– Да представь себе, вот в чем дело. Четыре года я жил в Духерове и не знал, что Кляйнхольц хочет силой выдать свою дочь замуж. Мать у нее ужасная, целый день орет и носится с вязаными кофтами, а дочка – это какое-то чудовище по имени Мария!

– И ты должен был на ней жениться, бедный мальчик?

– Да, именно на ней мне и велено жениться, Ягненок! У Кляйнхольца только неженатые работники – сейчас нас трое, но на меня охотятся больше всего.

– Сколько ей лет, этой Марии?

– Не знаю, – отвечает он коротко. – Хотя нет, знаю. Тридцать два. Или тридцать три. В общем, неважно. Я же все равно не собираюсь на ней жениться.

– О боже, бедный мой мальчик, – жалуется Ягненок. – Разве такое бывает? Двадцать три и тридцать три?

– Конечно, такое бывает. И довольно часто, – говорит он угрюмо. – И если ты сейчас собираешься надо мной смеяться, то только попробуй...

– Но я же над тобой не смеюсь... Знаешь, мальчик мой, ты должен признать, что все это немного странно. Она ведь хорошая партия?

– Нет, в том-то и дело, – отвечает Пиннеберг. – Магазин уже не приносит много прибыли. Старый Кляйнхольц слишком много пьет, покупает слишком дорого и продает слишком дешево. А бизнес достанется его сынишке, ему пока всего десять лет. А Мария получит только пару тысяч марок, если вообще получит, и поэтому никто на нее и не зарится.

– Вот как дело обстоит, – говорит Ягненок. – И ты не хотел мне этого рассказывать? И поэтому ты тайно обвенчался, ехал с поднятым верхом и кольцом в кармане?

– Да, именно поэтому. О боже, Ягненочек, если они узнают, что я женат, они выгонят меня за неделю. А что тогда?

– Тогда ты снова пойдешь к Бергману!

– Но я даже не думал об этом! Слушай. – Он сглатывает, но потом все же говорит: – Бергман же меня предупреждал, что с Кляйнхольцем все пойдет наперекосяк. И потом он сказал: «Пиннеберг, вы снова придете ко мне! К кому вы пойдете в Духерове, как не к Бергману? Конечно, – сказал он, – вы снова придете ко мне, Пиннеберг, и я вас возьму. Но я заставлю вас хорошо попросить – как минимум месяц вы должны будете бегать в агентство по трудоустройству и просить у меня работу. За подобную наглость вы должны быть наказаны!» Так говорил Бергман, и теперь я не могу снова к нему идти. Я хочу, но не могу.

– Но если он прав? Ты же сам видишь, что он прав?

– Ягненок, – говорит Пиннеберг умоляюще, – пожалуйста, дорогая, Ягненочек, никогда не проси меня об этом. Да, конечно, он прав, и я был ослом, и носить пакеты мне было бы несложно. Если ты станешь долго уговаривать, я, конечно, пойду к нему, и он меня возьмет. И тогда и его жена, и другой продавец, этот дурак Мамлок, все время будут меня подкалывать и смеяться – этого я не смогу тебе простить.

– Нет. Нет. Я не прошу тебя об этом. Но ты не думаешь, что наш брак все равно выйдет наружу, даже если мы будем так осторожны?

– Это не должно выйти наружу! Это не должно выйти наружу! Я все сделал так, чтобы никто не узнал, – мы теперь живем на окраине, и в городе нас никто никогда не увидит вместе, а если мы действительно увидимся на улице, то мы даже не поздороваемся.

Ягненок некоторое время молчит, но затем все же говорит:

– Мы не можем здесь остаться, мальчик мой, ты же понимаешь это?

– Давай попробуем, Ягненок! – просит он. – Сначала всего на четырнадцать дней до первого числа. До первого мы все равно не можем съехать.

Она обдумывает это, прежде чем согласиться. Она заглядывает вниз в лестничный пролет, но там сейчас ничего не видно, слишком темно. Затем она вздыхает:

– Ну хорошо, я попробую, мальчик. Но ты же сам чувствуешь, что это ненадолго, что мы здесь никогда и ни за что не будем по-настоящему счастливы?

– Ах, спасибо, – говорит он. – Спасибо. А остальное как-нибудь приложится, обязательно приложится. Только бы не стать безработным!

– Да, лишь бы не стать, – соглашается она.

И затем они еще раз смотрят на луга, на эту тихую, освещенную луной землю и идут спать. Шторы им задергивать не нужно. Здесь нет соседей. Когда они засыпают, им кажется, что они слышат, как тихо плещется Штрела.

Что нам есть? С кем можно танцевать? И нужно ли теперь жениться?

В понедельник утром Пиннеберги сидят за кофейным столом, глаза Ягненка сияют:

– Итак, сегодня, сегодня все начинается по-настоящему! – И, взглянув на страшную комнату: – Я справлюсь с этой старой рухлядью! – И, глядя в чашку: – Как тебе кофе? Двадцать пять процентов зерен!

– Ну, ты ведь помнишь...

– Да, мальчик мой, если мы хотим сэкономить...

На что Пиннеберг объясняет ей, что он всегда мог позволить себе «настоящий» кофе из зерен по утрам. А она отвечает, что он стоит в два раза больше, чем этот. А он говорит, что всегда слышал, что в браке жить дешевле, что еда для двоих в браке обходится дешевле, чем еда в гостинице для одного.

Завязывается долгая дискуссия, пока он не говорит:

– Черт возьми, мне нужно идти! Я побежал!

На пороге они прощаются. Он уже почти спустился по лестнице, как Ягненок закричала сверху:

– Мальчик мой, подожди, мальчик! Что мы вообще будем есть сегодня?

– Совершенно не важно, – звучит в ответ.

– Ну, пожалуйста, скажи что-нибудь... Я ведь совершенно ничего не знаю.

– Я тоже не знаю! – И дверь за ним захлопывается.

Она бросается к окну. Он уже уходит, сначала машет рукой, потом носовым платком, и она остается у окна так долго, пока он не проходит мимо газовой лампы и не исчезает за желтоватой стеной дома.

И вот теперь Ягненок впервые за свои двадцать два года может распоряжаться своим утром, квартирой и меню в одиночестве. Она берется за дело.

Тем временем на углу Главной улицы Пиннеберг встречает городского секретаря Кранца и вежливо его приветствует. Вдруг он с ужасом осознает: он поприветствовал его правой рукой, а на правой руке у него кольцо. Он надеется, что Кранц его не заметил. Пиннеберг снимает кольцо и осторожно прячет его в «секретное отделение» своего бумажника. Ему это не нравится, но что поделать, раз уж так надо.

Тем временем и его хозяин Эмиль Кляйнхольц уже встал. Просыпаться в их семье по утрам ни разу не весело, потому как прямо после сна все всегда в особенно плохом настроении и склонны говорить друг другу правду. Но понедельник утром обычно особенно ужасен – в воскресенье вечером отец семейства склонен к загулам, и по пробуждении домашние обязательно ему мстят. Жена Эмиля Кляйнхольца – фрау Эмилия Кляйнхольц – не отличается мягкостью – она укротила своего Эмиля настолько, насколько вообще возможно укротить мужчину. В последние несколько воскресений ей это удавалось особенно хорошо – фрау Эмилия просто заперла входную дверь в воскресенье вечером, угостила мужа на ужин стаканчиком пива и позже наливала ему коньяку для создания веселого настроения. Что-то вроде семейного вечера действительно состоялось: сынишка его копошился где-то в углу, женщины сидели за столом и рукодельничали (готовили приданое для Марии), а отец читал газету и время от времени говорил:

– Мать, дай мне еще одну.

На что фрау Кляйнхольц каждый раз отвечала:

– Отец, подумай о ребенке! – Но все равно наливала еще стаканчик (или нет, в зависимости от настроения мужа).

Так и прошел последний воскресный вечер, и все Кляйнхольцы легли спать около десяти. В одиннадцать фрау Кляйнхольц проснулась, в комнате было темно, она прислушалась.

Она слышит, как рядом храпит Мария, как в ногах отцовской кровати сопит сынишка, и только храп отца отсутствует в этом хоре.

Фрау Кляйнхольц проверяет под своей подушкой: ключ от дома на месте. Она включает свет: мужа нет. Фрау Кляйнхольц встает, прохаживается по квартире, спускается в подвал, выходит во двор, где у них находится туалет: ничего.

Наконец она замечает, что окно кабинета приоткрыто, а она точно его закрыла. Она всегда закрывает его на ночь.

Фрау Кляйнхольц кипит от злости: четверть бутылки коньяка, сифон пива – все зря! Она быстро одевается, накидывает свой фиолетовый ватный халат и идет искать мужа. Наверняка он на углу в пивной у Бруно, пропускает стаканчик.

Зерновой магазин Кляйнхольцев на рыночной площади – хорошая, солидная лавка. Эмиль владеет ей уже в третьем поколении. Дело было стабильным, надежным; это был бизнес, основанный на доверии, с тремя сотнями старых клиентов-фермеров и помещиков. Если Эмиль Кляйнхольц говорил: «Франц, это удобрение хорошее», то Франц не спрашивал о составе, а просто покупал, и оно действительно оказывалось очень хорошим.

Но у такого бизнеса есть один подвох: каждую сделку нужно «обмывать», торговля сама по себе требует поливки. Дело это пьяное. На каждую машину картошки, на каждый транспортный документ, на каждую расчетную ведомость: пиво, шнапс, коньяк. И это не так страшно, если жена хорошая, если есть домашний уют, единство, комфорт, но это практически невозможно, если жена вечно ругается.

Фрау Кляйнхольц ругалась с самого первого дня. Она знала, что это неправильно, но Эмилия была завистлива – сама она была бедной, как церковная мышь, но вот она вышла замуж за красивого, обеспеченного мужчину, отбив его у всех остальных. И вот уже тридцать четыре года брака она все так же скалит на него зубы и все так же борется за него, как в первый день.

Она шаркает в своих домашних тапочках, в халате до угла, к Бруно. Ее мужа там нет. Она могла бы вежливо спросить, был ли он здесь, но это не в ее характере, она осыпает трактирщика обвинениями:

– Поить пьяниц – это так просто подлость! Ну вы и подонки. Я буду жаловаться, это вы подстрекаете их к пьянству.

Старый Бруно с длинной бородой собственноручно выводит ее на улицу – она яростно вырывается из лап великана, но у него надежная хватка.

– Так-то, дамочка, – говорит он.

Она оказывается на улице. Это рыночная площадь маленького городка с булыжной мостовой, с двухэтажными домами, иногда фронтонами, иногда фасадами, выходящими на площадь, все занавешены, все темные. Только газовые фонари качаются и мерцают. Неужели он думает, что она отправится домой? Как бы не так! Чтобы Эмиль потом над ней издевался днями напролет, выставлял ее душой – она искала его и не нашла. Ей нужно найти его сейчас же, вырвать его даже из самой пьяной компании – из самого прекрасного времяпрепровождения.

Из самого прекрасного времяпрепровождения!

Вдруг она понимает: в «Тиволи» сегодня танцы, Эмиль там. Он там! Вот он где!

И как есть, она идет через полгорода, в тапочках и халате, направляется в «Тиволи». Кассир клуба «Гармония» требует у нее марку за вход, она только спрашивает:

– Хочешь оплеуху?

И кассир больше ничего от нее не хочет.

Вот она стоит в танцевальном зале, сначала немного стесняясь, прячась за колонной, подглядывая, но потом уже вновь приходит в ярость. Там ее Эмиль, все еще красавец, с пышной светлой бородой, танцует с какой-то маленькой черной дрянью; она даже не знает ее, и если можно назвать это танцем – это пьяное спотыкание. Ее останавливает распорядитель:

– Милая дама! Прошу вас, милая дама!

А потом он понимает, что это стихийное бедствие, торнадо, извержение вулкана – что здесь люди бессильны. И он отступает. Между танцующими образуется проход; между двумя человеческими стенками она направляется к одной ничего не подозревающей паре, которая там беззаботно спотыкается и качается.

Он сразу получает оплеуху.

– О, моя сладкая! – восклицает он и еще не понимает, что происходит. А потом резко понимает...

Она знает, что теперь нужно уходить с достоинством, с гордостью. Она протягивает ему свою руку.

– Пора, Эмиль. Пойдем домой сейчас же.

И он идет с ней. Он неуклюже шаркает, держа ее за руку, из зала, неуклюже, как большой побитый пес, оглядывается еще раз на свою маленькую милую черненькую девушку, работницу на рамочной фабрике Штесселя, которой тоже не очень повезло в жизни и которая уж очень обрадовалась щедрому, бравому кавалеру. Кляйнхольцы уходят. Снаружи вдруг появляется такси – хозяин «Гармонии» хорошо понимает, что в таких случаях лучше вызывать такси как можно скорее.

Эмиль Кляйнхольц крепко засыпает уже в дороге и не просыпается, даже когда его жена с шофером заносят его в дом, укладывают в постель, в эту ненавистную супружескую постель, которую он покинул всего два часа назад с таким рвением. Он спит. А жена выключает свет и лежит некоторое время в темноте, а потом снова включает свет и смотрит на своего мужа, своего красивого, распутного, темноволосого мужа. Она видит под одутловатым бледным лицом черты того самого Эмиля, который когда-то добивался ее, полного тысячи ухищрений и шуток, всегда веселого, всегда нахального, ему никогда не приходило в голову просто полапать ее за грудь, хотя ему никогда не пришлось бы получать пощечину за это.

И насколько способен думать ее маленький глупый мозг, она вспоминает путь от тех времен до сегодняшнего дня: двое детей – одна некрасивая дочь, один угрюмый уродливый сын. Наполовину развалившийся бизнес, опустившийся муж – а она? А что же она?

Да, в конце концов, остается только плакать, и это можно сделать в темноте – свет можно и экономить, и так приходится платить слишком много. И тут она вдруг задумывается о том, сколько он снова сегодня потратил за эти два часа, – она снова включает свет и ищет его бумаж-

ник, пересчитывает купюры. Здесь, в темноте, она решает стать ласковее и терпимее с завтрашнего дня, она стонет и жалуется:

– Теперь уже ничего не поможет. Мне нужно держать его еще ближе!

А потом она снова плачет и, наконец, засыпает, как обычно засыпают после зубной боли или родов, после громкой ссоры и редкой большой радости.

Потом наступает первое пробуждение в пять часов, когда она быстро передает ключ от ларя с овсом приказчику, затем второе в шесть, когда стучится служанка и просит ключ от кладовой. Еще час сна! Еще час покоя! И потом третье окончательное пробуждение без пятнадцати семь: сыну нужно в школу, а муж все еще спит. Когда она снова заглядывает в спальню в восемь пятнадцать, его уже тошнило.

– Ты сам виноват, что все время пьешь, – говорит она и уходит.

Потом он подходит к кофейному столу, мрачный, молчаливый, опустошенный.

– Селедку, Мария. – Это все, что он говорит.

– Ты бы хоть немного постыдился, отец, так распутничать, – говорит Мария с укором, прежде чем пойти за селедкой.

– Черт возьми! – кричит он. – Ей пора выметаться из дома!

– Ты прав, отец, – успокаивает его жена. – Зачем тебе кормить этих троих голодранцев?

– Пиннеберг – лучший. Пиннеберг должен справиться! – говорит мужчина.

– Конечно. Просто закрути ему гайки.

– Уж об этом я позабочусь, – отвечает муж.

И затем он идет в контору, хозяин Иоганнеса Пиннеберга – господин, от которого зависит благополучие Ганнеса, Ягненка и еще не родившегося Малыша.

Начинается суета. Нацист Лаутербах, демонический Шульц и тайный муж попадают в беду.

Служащий Лаутербах пришел в офис раньше всех: за пять минут до восьми. Но это не из-за преданности долгу, а из-за скуки. Этот маленький толстый румяный парень с огромными красными руками когда-то был сельскохозяйственным чиновником. Но в деревне ему не понравилось. Лаутербах уехал в город, поехал в Духеров к Эмилю Кляйнхольцу. Там он стал своего рода экспертом по семенам и удобрениям. Фермеры не слишком ему радовались, когда сдавали картошку.

Лаутербах сразу замечал, если сортировка была неправильной, если они смешивали желтоплодные промышленные сорта с белоплодной «Силезией». Но с другой стороны, Лаутербах был не так уж и плох. Он не брал взяток – он никогда не пил спиртное, потому что нужно защищать арийскую расу от этих дегенеративных наркотиков, – так что он не поднимал рюмку и не брал даже сигар. Он хлопал фермеров по плечам так, что кости хрустели:

– Старый мошенник! – Он вычитал у них десять, пятнадцать, двадцать процентов от цены, но в глазах крестьян это все компенсировало – он носил свастику и рассказывал им самые смешные еврейские анекдоты. Делился впечатлениями от последней рекламной поездки в Бурков и Лензан; короче говоря, он был настоящим тевтоном, надежным соратником, врагом евреев, иностранцев, репараций, социалистов и КПП. Это все компенсировало.

К нацистам Лаутербах тоже пришел из-за скуки. Оказалось, что Духерове, как и в деревне, особо нечем было себя развлечь. Девушки его не интересовали, церковная служба заканчивалась в половине одиннадцатого утра, а кино начиналось только в восемь вечера – а между этими двумя событиями оставалась уйма свободного времени.

У нацистов скучать не пришлось. Он быстро попал в штурмовики, в уличных столкновениях проявил себя как чрезвычайно рассудительный молодой человек, который использовал свои кулаки (и то, что было в них зажато) с почти художественным эффектом. Теперь жажда

жизни Лаутербаха была удовлетворена: драться он мог почти каждое воскресенье – а иногда и по будням вечером. Но настоящим домом для Лаутербаха была контора. Здесь были коллеги, начальник, рабочие, фермеры: им всем он мог рассказывать о том, что произошло, что должно произойти; о праведниках и неправедных изливался вязкий медленный поток его речи, оживленный громогласным смехом, когда он описывал, как отделал советских прихвостней.

Сегодня он, конечно, не может рассказать ничего подобного, зато пришел новый общий приказ для каждого отряда, и теперь Пиннебергу, который появился ровно в восемь, он рапортует: у штурмовиков появились новые значки!

– Это просто гениально! До сих пор у нас был только номер штурма. Знаешь, Пиннеберг, арабская вышитая цифра на правом погоне. Теперь у нас еще появилась двухцветная шнуровка на крае воротника. Это гениально, теперь можно всегда сзади увидеть, к какому штурму принадлежит каждый из нас. Представь себе, что это значит на практике! Так вот, мы находимся в драке, и я вижу, что кто-то кого-то прижал, и я смотрю на воротник...

– Здорово, – подхватывает Пиннеберг и сортирует грузовые накладные с субботнего вечера. – А вот Мюнхен 387 536 – это была сборная партия?

– Вагон с пшеницей? Да. И представь себе, наш командир отряда теперь носит звезду на левом погоне.

– Что значит «командир отряда»? – спрашивает Пиннеберг.

Приходит Шульц, третий голодранец, он появляется в десять минут девятого. Шульц приходит, и в одно мгновение оказываются забыты и нацистские значки, и накладные на пшеницу. Шульц приходит – демонический, гениальный, но ненадежный Шульц, который может вычислить 285,63 центнера по 3,85 марки в уме быстрее, чем Пиннеберг запишет это на бумаге. Он был при этом ловеласом и беззаботным развратником, волокитой и единственным мужчиной, которому удалось поцеловать Марию Кляйнхольц, так сказать, мимоходом, благодаря щедрости своей натуры, но при этом на ней не женившимся.

Шульц приходит с черными завитыми волосами над желтым морщинистым лицом, с черными большими блестящими глазами. Шульц всегда элегантен, в отутюженных брюках и в черной фетровой шляпе (пятьдесят сантиметров в диаметре), Шульц с толстыми кольцами на пальцах, желтых от табака, Шульц – король сердец всех служанок, кумир продавщиц, которые ждут его вечером перед магазином, соперничая за каждую возможность потанцевать с ним.

Шульц приходит.

Он говорит:

– Доброе утро.

Аккуратно вешает свою одежду на вешалку, смотрит на коллег оценивающе, затем с сочувствием, потом с презрением и говорит:

– Ну что ж, вы, конечно, опять ничего не знаете!

– Какую девчонку ты вчера снова завоевал? – спрашивает Лаутербах.

– Ничего вы не знаете. Совсем ничего. Вы сидите здесь, считаете грузовые накладные, делаете расчеты, а при этом...

– Ну, и что при этом?..

– Эмиль... Эмиль и Эмилия... вчера вечером в Тиволи...

– Он ее с собой взял? Такого не бывает!

Шульц садится:

– Образцы клевера тоже пора отправить. Кто этим займется, ты или Лаутербах?

– Ты!

– Я не могу, на клевере специализируется наш дорогой хозяйственник. Шеф танцевал с маленькой черной Фридой с рамочной фабрики. Я отошел всего на два шага, и вдруг старуха на него налетела. Эмилия в одном халате, под ним, наверное, только рубашка была...

– В «Тиволи»?!

– Ты не врешь, Шульц?!

– Клянусь, как я здесь сижу! В «Тиволи», у «Гармонии» был семейный танцевальный вечер. Военный оркестр из Плаца, красота! Рейхсвер, еще лучше! И вдруг наша Эмилия накинулась на своего Эмиля, вlepила ему пощечину – ты, говорит, старый пьяница, ты подлая свинья...

Кому теперь какое дело до грузовых накладных? Какая может быть работа? Контора Кляйнхольца обсуждает новую сенсацию!

Лаутербах умоляет:

– Так, расскажи еще раз, Шульц. Жена Кляйнхольца заходит в зал... Я даже не могу это себе представить... через какую дверь? Когда ты ее впервые увидел?

Шульц, польщенный, говорит:

– Что мне еще рассказать? Ты ведь уже все знаешь. И так, она заходит, прямо через входную дверь, выскакивает из коридора, вся такая, понимаешь, и она становится такой фиолетово-багровой... Она заходит...

В контору вдруг заходит Эмиль Кляйнхольц. Трое резко разбегаются по своим местам, садятся на стулья, усердно шуршат бумагой. Кляйнхольц внимательно смотрит на них, наблюдает опущенные головы:

– Ничего не делаете, да? – хрипит он. – Бездельничаете? Я кого-то из вас уволю. Ну, кого?

Трое не поднимают глаз.

– Рационализация. Где трое могут лениться, двое могут трудиться. Как насчет вас, Пиннеберг? Вы здесь самый младший.

Пиннеберг не отвечает.

– Ну да, конечно, теперь все молчат. Но прежде – как ты там сказал, старый козел, старуха моя фиолетово-багровая? Может, мне вас выгнать? А я вас выгоню сейчас же!

«Подслушал, собака, – думают все трое, побледнев от ужаса. – О боже, боже, что я наговорил?»

– Мы вообще о вас не говорили, господин Кляйнхольц, – говорит Шульц, но очень тихо, будто про себя.

– А вы? Вы? – Кляйнхольц обращается к Лаутербаху. Но Лаутербах не так напуган, как его двое коллег. Он из тех немногих сотрудников, которым все равно, есть у них работа или нет.

«Я? – думает он. – Мне бояться? С моими-то руками? Я все могу, я пойду работать конюхом, пойду грузчиком. Служащий? И слышать не хочу! Одно название!»

Лаутербах смело смотрит своему начальнику в красные от гнева глаза:

– Да, господин Кляйнхольц?

Кляйнхольц стучит по витрине так, что она гремит.

– Я одного из вас уволю! Вот увидите... И остальным тоже достанется. Вас тут таких хватает. Идите на склад, Лаутербах, загрузите с Крузе сто центнеров жмыха. От Рюфиска! Стоп, нет, Шульц должен пойти, он сегодня опять выглядит как живой труп, ему пойдет на пользу мешки потаскать.

Шульц исчезает, не сказав ни слова, радуясь тому, что сумел спастись.

– Вы, Пиннеберг, идите на станцию, да поскорее. На завтрашнее утро закажите четыре двадцатитонника, закрытые, нужно загрузить пшеницу на мельницу. Убирайтесь!

– Так точно, господин Кляйнхольц, – говорит Пиннеберг и уходит. Ему не по себе, но, вероятно, это просто похмельный бред Эмиля.

Тем не менее...

Когда он возвращается с грузового вокзала к Кляйнхольцу, он видит на другой стороне улицы знакомую фигуру... Женщину... Свою жену...

И он тут же переходит на другую сторону улицы, к ней.

Вот идет Ягненок, у нее в руках авоська. Она его не заметила. Вот она подходит к витрине мясника Брехта и останавливается у прилавка. Он подходит к ней совсем близко, бросает осторожный взгляд на улицу и верхние этажи – ничего опасного пока не видно.

– Что у вас сегодня на ужин, милочка? – шепчет он ей на ухо и уже через десять шагов оборачивается только один раз, чтобы увидеть ее радостное лицо. Ну что ж, если госпожа Брехт это видела из магазина – а она его знает, он всегда у нее покупал колбасу, – снова поступил немного легкомысленно; ну а что поделать, если у тебя такая красивая жена.

Похоже, что кастрюли она еще не купила; придется очень внимательно следить за деньгами...

В конторе сидит начальник. Один. Лаутербах ушел. Шульц ушел. Пиннеберг думает: «Плохо, очень плохо». Но начальник вовсе не обращает на него внимания – подперев голову одной рукой, он медленно, как будто по буквам, водит пальцем по строкам цифр в кассовой книге.

Пиннеберг оценивает ситуацию. «За печатную машинку, – думает он, – это самое разумное. Когда печатаешь, меньше всего отвлекают». Но он ошибается. Едва он напечатал: «Ваше высокоблагородие, разрешите представить вам образец нашего красного клевера, урожая этого года, гарантированно свободного от семян, всхожесть девяносто пять процентов, чистота девяносто процентов...»

...Как вдруг рука ложится ему на плечо и начальник говорит:

– Пиннеберг, на минутку...

– Да, господин Кляйнхольц? – спрашивает Пиннеберг и убирает пальцы с клавиш.

– Вы пишете о красном клевере. Оставьте это Лаутербаху...

– Ох...

– С вагонами все в порядке?

– В порядке, да, господин Кляйнхольц.

– Нам всем сегодня после обеда нужно крепко поработать и загружать пшеницу. Мои женщины тоже должны помочь. Завязывать мешки.

– Да, господин Кляйнхольц.

– Мария очень способна в этом деле. Вообще-то, она молодец. Не красавица, но молодец.

– Конечно, господин Кляйнхольц!

Так они оба сидят друг напротив друга. Это своего рода пауза в разговоре. Господин Кляйнхольц хочет, чтобы его слова подействовали правильно, они своего рода проявитель, теперь станет ясно, какой образ получится на пластинке.

Пиннеберг сидит с тоской и тревогой смотрит на своего начальника в грубом зеленом костюме, потом на его высокие сапоги.

– Да, Пиннеберг, – снова начинает начальник, и его голос звучит очень трогательно. – Вы ведь уже подумали?

Пиннеберг с тревогой размышляет. Но он не видит выхода.

– О чем, господин Кляйнхольц? – спрашивает он глупо.

– О сокращении, – говорит после долгой паузы хозяин, – о сокращении! Кого бы вы на моем месте уволили?

Пиннебергу становится нестерпимо душно. Какой подлец. Какая свинья, так меня подставляет!

– Я не знаю, господин Кляйнхольц, – объясняет он беспокойно. – Я же не могу говорить против своих коллег.

Господин Кляйнхольц наслаждается ситуацией.

– Вы бы, значит, не уволили себя на моем месте? – спрашивает он.

– Если бы я был вами? Себя самого? Я же не могу...

– Ну, – говорит Эмиль Кляйнхольц и встает. – Я уверен, вы подумаете над этим. Уведомить вас я, конечно, должен за месяц. Значит, с первого сентября и до первого октября, не так ли?

Кляйнхольц покидает офис, чтобы рассказать жене, как он «припугнул» Пиннеберга. Возможно, она тогда даже нальет ему стаканчик. Ему, на самом деле, только того и надо.

Гороховый суп ставится на плиту, письмо пишется, но вода слишком жидкая.

Сначала утром Ягненок пошла за покупками, быстро вывесила постельное белье проветриться в окно, и ушла по делам. Почему он ей не сказал, что хочет на обед? Она же этого не знает!

И она понятия не имеет, что он любит есть.

Возможности уменьшаются при размышлениях, в конце концов, находчивый ум Ягненка останавливается на гороховом супе. Это просто и дешево, и суп можно есть два дня подряд.

– О боже, как повезло девушкам, которые действительно учились готовить! Меня мама всегда гоняла от плиты. «Убирайся, неумеха!»

Что ей нужно? Вода есть. Кастрюля есть. Горох, сколько? Полфунта точно хватит на двоих, горох сильно разваривается. Соль? Овощи для супа? Немного жира? Ну, на всякий случай. Сколько мяса? Какое мясо? Говядина, конечно, говядина. Полкило должно быть достаточно. Горох очень питательный, а много мяса есть вредно. И, конечно, картошка.

Ягненок идет за покупками. Как прекрасно в простой будний день, когда все сидят в конторах, бродить по улице – воздух еще свежий, хотя солнце уже светит ярко.

По рыночной площади медленно проезжает большой желтый почтовый автобус. За его окнами, возможно, сидит ее Ганнес. Но его там нет, и десять минут спустя он спрашивает ее через плечо, что у них будет на обед. Продавщица наверняка что-то заметила – она как-то странно себя ведет, и за косточки для супа она требует тридцать пфеннигов за фунт – а ведь это просто голые кости, без малейшего кусочка мяса. Она напишет матери и спросит, правильно ли это. Нет, лучше не стоит, лучше справиться самой. Но его маме она все же должна написать. И по пути домой она начинает набрасывать письмо в уме.

Вдова Шарренхёфер кажется ей всего лишь ночным призраком; когда Ягненок идет на кухню за водой, она не видит никаких следов того, чтобы тут обитал живой человек – все пусто, холодно, и из ее комнаты не доносится ни звука. Она ставит горох на плиту: стоит ли сразу добавлять соль? Лучше подождать до конца, так будет вернее.

А теперь уборка. Это трудно, гораздо труднее, чем Ягненок когда-либо думала, – о, эти старые бумажные розы, эти наполовину выцветшие гирлянды; эти потертые мягкие кресла, когда-то бывшие ядовито-зелеными, эти вечные углы, эти закоулки, сплошные ручки, эти чертовы балюстрады! До половины двенадцатого ей нужно закончить, а потом написать письмо. Ганнес, у которого с двенадцати до двух перерыв на обед, вряд ли будет здесь раньше четверти первого – ему сначала нужно зарегистрироваться в полиции.

В четверть первого она сидит за маленьким письменным столом из орехового дерева, перед ней желтая писчая бумага времен ее девичества.

Сначала адрес: «госпожа Мария Пиннеберг – Берлин, Северо-запад, 40 – Шпенерштрассе 92, 11».

Как он мог не написать своей матери? Родной матери нужно сообщать, когда ты женишься, тем более будучи единственным сыном – единственным ребенком. Даже если ты не согласен с ней, даже если не одобряешь ее образ жизни.

– Мама должна бы постыдиться... – объяснил когда-то Пиннеберг.

– Но, мальчик мой, она ведь уже двадцать лет как овдовела!

– Неважно! И потом, это были разные мужчины...
– Ганнес, у тебя ведь тоже было больше девушек, чем у меня мужчин.
– Это совсем другое...
– Что скажет наш Малыш, когда посчитает, когда он родился и когда мы поженились?
– Еще неизвестно, когда Малыш родится.
– Известно. В начале марта.
– Но почему?
– Брось, мальчик, уж я-то знаю. А твоей матери я все же напишу, так надо.
– Делай как хочешь, но я больше не хочу об этом слышать.
– «Уважаемая благородная фрау» – ужасно глупо, правда? Так не пишут. «Дорогая фрау Пиннеберг» – но это же я сама, и звучит это тоже не очень хорошо... Ох, Ганнес точно прочитает это письмо.

«Ах, что я беспокоюсь, – думает Ягненок, – либо она действительно такая, как говорит мальчик, и тогда вообще неважно, что я напишу, либо она на самом деле милая женщина, и тогда я лучше напишу так, как хочу».

Итак:

– «Дорогая мама! Я ваша новая невестка Эмма по прозвищу Ягненок – Ганнес и я поженились позавчера, в субботу. Мы счастливы и довольны и были бы совершенно счастливы, если бы вы порадовались вместе с нами. У нас все хорошо, только Ганнесу, к сожалению, пришлось оставить свою прежнюю работу, и теперь он работает в магазине удобрений, что нам не очень нравится. Передаем вам привет. Ваши Овечка и...»

Она оставляет немного места:

– Ты все-таки тоже его подпишешь, мой мальчик!

И поскольку до обеда есть еще полчаса, она берет свою книгу, купленную две недели назад, под названием «Святое чудо материнства».

Она начинает читать с нахмуренным лбом:

– Да, счастливые, солнечные дни наступают, когда рождается малыш. Этим божественная природа компенсирует несовершенство человека.

Она пытается что-то понять, но мысль неумолимо ускользает – книга кажется ей ужасно сложной, и, наверное, она не совсем относится к ее Малышу... Но вот появляются несколько строк, она читает их медленно, несколько раз:

– О, малюткины уста,
В них волнение и мудрость,
Птичьей трели череда,
Соломонова разумность.

Их Ягненок тоже не вполне понимает. Но они такие веселые, она откидывается назад – в эти мгновенья она ощущает свой живот таким тяжелым, драгоценным, и она повторяет строчки стихотворения про себя с закрытыми глазами:

– Птичьей трели череда, Соломонова разумность. Это, должно быть, самое веселое, что существует, – чувствует она. – Малыш должен всегда быть веселым! Птичьей трели череда...

– Обед готов? – кричит ее мальчик уже из коридора.

Кажется, Ягненок заснула ненадолго... Она сейчас так сильно устает.

«Обед» – думает она и медленно встает.

– Еще не накрыто? – спрашивает он.

– Минутку, мальчик мой, сейчас, – говорит она и бежит на кухню. – Могу я принести кастрюлю на стол? Но я с удовольствием возьму и супницу!

– А что там?

– Гороховый суп.

– Отлично. Ну, давай уже кастрюлю. Я пока накрою.

Ягненок наливает суп. Она выглядит немного встревоженной.

– Кажется, немного жидковато? – беспокоится она.

– Ничего, тебе кажется, – говорит он и нарезает мясо на тарелке.

Она пробует.

– О боже, слишком жидко! – говорит она невольно. И за этим следует: – Ой, а соль!

Он также опускает ложку, и их взгляды встречаются над столом, над тарелками, над коричневой эмалированной кастрюлей.

– Должно было получиться вкусно, – жалуется Ягненок. – Я все правильно взяла: полфунта гороха, полфунта мяса, целый фунт костей – это должен быть хороший суп!

Он встал и задумчиво помешал суп большим черпаком.

– Иногда выходит неудачно. Сколько воды ты налила, Ягненок?

– Должно быть, дело в горохе! Горох вообще не разварился!

– Сколько воды? – повторяет он.

– Ну, полную кастрюлю.

– Пять литров – и полфунта гороха. Я думаю, Ягненок, – говорит он загадочно, – дело в воде. Вода слишком жидкая.

– Ты думаешь? – спрашивает она с грустью. – Я налила слишком много? Пять литров? Но этого должно хватить на два дня.

– Пять литров – я думаю, это слишком много для двух дней. – Он пробует снова. – Нет, извини, Ягненок, это действительно просто горячая вода.

– Ах, мой бедный мальчик, ты ужасно голоден? Что же теперь делать? Может быть, я быстро принесу несколько яиц и пожарю картошку с яичницей? Яичницу и жареный картофель я точно могу.

– Ну давай! – говорит он. – Я сам схожу за яйцами. – И уходит.

Когда он возвращается к ней на кухню, ее глаза слезятся от лука, который она нарезает для жареного картофеля.

– Ну-ну, Ягненок, – говорит он, – это же не трагедия!

Она обнимает его за шею обеими руками.

– Мальчик, я такая неумеха! Я так хочу хорошо о тебе заботиться... И если Малыш не будет хорошо питаться, он не сможет расти!

– Ты имеешь в виду сейчас или потом? – спрашивает он, смеясь. – Ты думаешь, ты никогда не научишься?

– Видишь, ты еще и подшучиваешь надо мной.

– Что касается супа, я как раз об этом думал на лестнице. Твоему супу ведь всего хватает, только слишком много воды. Если ты его снова поставишь и будешь варить долго и правильно, чтобы вся лишняя вода выкипела, тогда у нас будет целая кастрюля хорошего горохового супа.

– Отлично! – говорит она с улыбкой. – Ты прав. Я сделаю это сегодня днем, тогда мы сможем съесть по тарелке на ужин.

Они идут в комнату с жареным картофелем и яичницей.

– Вкусно? Вкусно так, как ты привык? Не слишком поздно? Ты не можешь еще немного полежать? Ты выглядишь таким уставшим, мальчик.

– Нет. Не потому, что слишком поздно, нет, я сегодня не могу спать. Этот негодяй Кляй-нхольц...

Он долго думал, стоит ли ей это рассказывать. Но в любом случае в субботнюю ночь они договорились, что больше не будет секретов. И поэтому он рассказывает ей. Как же хорошо, когда можно выговориться!

– А что мне теперь делать? – спрашивает он. – Если я ему ничего не скажу, он точно уволит меня первого числа. А если я просто скажу ему правду? Если скажу, что я женат и чтобы он не выгонял меня на улицу?

Но в этом Ягненок настоящая дочь своего отца: от работодателя работник ничего хорошего ждать не может.

– Да ему на это наплевать, – говорит она возмущенно. – Раньше, да, может быть, иногда были и порядочные... Но сегодня, когда столько безработных и всем нужно как-то выживать, им и на своих людей наплевать, так они думают!

– На самом деле этот Кляйнхольц не такой уж плохой, – говорит Пиннеберг. – Просто он не подумал. Нужно было ему все как следует объяснить. Что мы ждем Малыша и так далее...

Ягненок в возмущении:

– Ты хочешь ему это рассказать! Тому, кто тебя шантажирует? Нет, мальчик мой. Этого ты делать не будешь.

– Но что же мне делать? Я ведь должен ему что-то сказать.

– Я, – сказала Ягненок задумчиво, – я думаю нужно поговорить с твоими сослуживцами. Может быть, он им тоже угрожал, как и тебе. А если вы все вместе объединитесь, он не сможет уволить всех троих.

– Это может сработать, – говорит он. – Если только они меня не подведут. Лаутербах не обманет, он слишком глуп для этого, но Шульц...

Ягненок верит в солидарность всех трудящихся:

– Твои товарищи не подведут тебя! Нет, мальчик мой, все будет хорошо. Я всегда думаю, что у нас все будет хорошо. Почему нет? Мы трудолюбивые, мы экономные, люди мы не плохие, мы ждем Малыша и очень хотим его – почему же нам должно быть плохо? Это совершенно бессмысленно!

Кляйнхольц ругается, Кубе ругается, а сослуживцы струсили. Гороховый суп все еще не готов.

Зерновой склад фирмы Эмиля Кляйнхольца – это старая запутанная история. Здесь даже нет нормального оборудования для упаковки. Все приходится взвешивать на десятичных весах, а мешки спускают по желобу в грузовик через люк.

Шестнадцать сот центнеров пшеницы за один день – это настоящее театральное представление Кляйнхольца. Никакой организации труда, никакого распределения обязанностей. Пшеница лежит на полу неделю – уже две недели, – можно было бы давно начать упаковку, но нет, все будет сделано за один день!

На складе кишит народ – все, кого Кляйнхольц смог наскоро набрать, помогают. Несколько женщин сгребают пшеницу в кучи, работают трое весов: Шульц на первых, Лаутербах на вторых, Пиннеберг на третьих.

Эмиль бегаёт взад-вперед, настроение у него еще хуже, чем утром, – Эмилия не давала ему пить ни капельки, поэтому ее и Марию не пустили на склад. Все отцовское чувство заботы было подавлено гневом угнетенного.

– Чтоб духу вашего здесь не было, твари!

– Каков нужный вес мешка, господин Лаутербах? Какой же вы идиот! Двухцентнеровый мешок весит три фунта, а не два! В мешках, господа, должно быть ровно по два центнера и три фунта. И чтобы никакого перевеса. Мне раздавать нечего. Я буду перевешивать, мой дорогой Шульц.

Двое скатывают мешок по желобу. Мешок развязывается, поток красновато-коричневой пшеницы рассыпается по полу.

– Кто завязал мешок? Вы, Шмидтен? Черт возьми, вы же должны уметь обращаться с мешками! Вы ведь не молоденькие девки. Не пяльтесь так, Пиннеберг, ваши весы показывают перевес! Разве я вам не говорил, болваны вы чертовы, что мы не допускаем перевеса?

Теперь Пиннеберг действительно очень злобно пялится на своего начальника.

– Не смотрите на меня так! Если вам здесь что-то не нравится, пожалуйста, можете уйти. Шульц, осел ты эдакий, немедленно отпусти Мархайнеке. Ты что, на моем складе с девками развлекаться собрался?

Шульц что-то бормочет в ответ.

– Закройте рот! Вы там Мархайнеке за задницу ущипнули, я видел. Сколько мешков у вас сейчас?

– Двадцать три.

– Так дело не пойдет. Не пойдет! Но я вам скажу, никто со склада не уйдет, пока не будет упаковано восемьсот мешков! Обедать не будет. Вот постоите тут до одиннадцати ночи, тогда посмотрим...

Под крышей душно и жарко, августовское солнце безжалостно палит. Мужчины одеты только в рубашки и брюки, женщины тоже почти раздеты. Пахнет сухой пылью, потом, сеном, свежей блестящей джутовой тканью мешков с пшеницей, но больше всего потом, потом и еще раз потом. Густой смрад тел сносит голову, и смрад самой низменной чувственности становятся все более ощутимыми. А посреди этого непрерывно гремит голос Кляйнхольца, как гудящий гонг:

– Ледерер, держите лопату правильно! Черт побери, разве так держат лопату?! Держите мешок ровно, жирная вы свинья, отверстие у него сверху. Вот так это делается...

Пиннеберг управляет своими весами. Совершенно механически он опускает задвижку:

– Еще немного, госпожа Фрибе. Еще чуть-чуть. Вот, теперь снова слишком много. Еще горсть выбросьте. Поехали! Следующий! Поторопитесь, Хинрихсен, ваша очередь. А то мы здесь до полуночи застрянем.

И в голове все время крутятся обрывки мыслей: «У Ягненка все хорошо. Свежий воздух... белые занавески развеваются. Закрыв бы ты свой рот, проклятый пес! Вечно гавкаешь. Из-за этого у меня руки трясутся! И такое-то место я боюсь потерять. Вот уж спасибо».

И снова гремит гонг:

– Давайте, Кубе! Что вы взвесили из кучи? Девяносто восемь центнеров? Их было сто. Это пшеница из Никельсхофа. Было сто центнеров, куда вы дели два центнера, Шульц? Я снова перевешу. Давайте, снова ставьте мешок на весы.

– Пшеница от жары усохла, – произносит старый работник склада, Кубе. – Она была чертовски сухой, когда пришла из Никельсхофа.

– Я что, по-твоему, покупаю сухую пшеницу? Закрой рот! Я здесь говорю. Ты ее домой к матери отнес, да? Усохла, да что это за бред такой! Ее украли, здесь все воришки.

– Мне, господин, без нужды, – говорит Кубе, – чтобы вы тут меня в воровстве обвиняли. Я сообщу об этом в профсоюз. Я вам этого не позволю, вот увидите.

Седоусый рабочий смотрит прямо в лицо своему начальнику.

«О боже, как это прекрасно, – внутренне ликует Пиннеберг. – Профсоюз! Если бы так можно было! А что можем мы? Ничего».

Кляйнхольц вовсе не растерялся, он к этому привык.

– Я что, сказал, что это ты что-то украл? Я ни слова не сказал. Мыши тоже воруют, у нас для мышей еды полно. Нам снова нужно будет поставить ловушки или сделать прививку от дифтерии, Кубе.

– Вы сказали, господин Кляйнхольц, что я украл пшеницу. У меня есть свидетели. Я пойду в профсоюз. Я на вас в суд подам, господин Кляйнхольц.

– Ничего я не сказал. Ни слова я вам не сказал. Эй, господин Шульц, я что-то говорил Кубе о воровстве?

– Ничего не слышал, господин Кляйнхольц.

– Видишь, Кубе. А вы, господин Пиннеберг, слышали что-нибудь?

– Нет. Ничего, – говорит Пиннеберг с колебанием и внутренне плачет кровавыми слезами.

– Ну вот, – говорит Кляйнхольц. – Вечно ты со своими придирками, Кубе, а хочешь быть профсоюзным деятелем.

– Будьте осторожны, господин Кляйнхольц, – предостерегает Кубе. – Вы снова начинаете. Вы же знаете. Три раза вы со старым Кубе уже судились. Я и в четвертый раз пойду. Мне не страшно, господин Кляйнхольц!

– Ты только болтаешь, – говорит Кляйнхольц сердито, – ты ведь старый, Кубе, ты уже не знаешь, что говоришь. Мне тебя жаль!

Но Кляйнхольцу надоело. К тому же здесь действительно слишком жарко, если непрерывно бегать туда-сюда и орать. Он спускается вниз на перерыв.

– Я пойду в контору, Пиннеберг. Следите здесь за тем, чтобы работа продолжалась. Перерыва не будет, понятно? Вы за все отвечаете, Пиннеберг!

Он исчезает на лестнице внизу. И сразу начинается оживленный разговор. Есть что обсудить, об этом позаботился Кляйнхольц.

– Что ж, ясно, почему он сегодня такой бешеный.

– Налить бы ему, сразу успокоится.

– Перекур! – кричит старый Кубе. – Перекур!

Эмиль еще не успел дойти до двора.

– Я вас прошу, Кубе, – говорит двадцатитрехлетний Пиннеберг шестидесятилетнему Кубе, – я вас прошу, Кубе, не устраивайте скандал, господин Кляйнхольц же это запретил!

– Таков договор, господин Пиннеберг, – говорит Кубе с усами как у моржа. – По договору положен перекур. Старик не может нас его лишить.

– Но я получу выволочку...

– А мне какая разница! – фырчит Кубе. – Где вы были, когда он меня вором обозвал? Притихли, как мышь...

– Если бы вы были на моем месте, Кубе...

– Знаю, знаю. Если бы все думали, как вы, молодой человек, нам, наверное, пришлось бы работать на господ работодателей в цепях и за каждый кусок хлеба петь псалмы. Ну, вы еще молоды, у вас все впереди, вы еще увидите, как далеко вы сможете продвинуться с вашим подхалимством. Итак, перерыв!

Но все уже давно отдыхают. Трое служащих стоят в стороне.

– Господа могут и сами мешки насыпать, – говорит один рабочий.

– Пусть продолжают выслуживаться перед Эмилем! – говорит второй. – Тогда он, может, даст им понюхать коньяку.

– Нет, он им Марию даст понюхать!

– Всем троим? – Громкий смех.

– Она со всеми тремя справится, она не привередливая.

Один начинает петь: «Мария, Мария, моя милая красотка». И почти все остальные подхватывают.

– Хоть бы все обошлось! – говорит Пиннеберг.

– Я больше не собираюсь это терпеть, – говорит Шульц. – Да где это видано, чтобы честного человека на виду у всех называли козлом?! Вот заделаю Марии ребенка, и поминай как звали. – Он злорадно и мрачно ухмыляется.

Здоровяк Лаутербах прибавляет:

– Надо бы подкараулить его, когда он напьется ночью, и хорошенько его отделать в темноте. Это поможет.

– Мы все время только говорим, а делать боимся, – говорит Пиннеберг. – Рабочие совершенно правы. Мы вечно боимся.

– За себя говори. Я не боюсь, – говорит Лаутербах.

– Я тоже не боюсь, – говорит Шульц. – Мне вообще все эти дела надоели.

– Ну, так давайте что-то сделаем, – предлагает Пиннеберг. – Разве он не говорил с вами сегодня утром?

Трое смотрят друг на друга, испытующе, недоверчиво, смущенно.

– Я хочу вам кое-что сказать, – объясняет Пиннеберг. Потому что теперь это уже не имеет значения. – Сегодня утром он сперва говорил мне о Марии, какая она хорошая девушка, а потом сказал мне, что я должен на что-то решиться, а на что, собственно, я и сам не знаю – якобы не хочу ли я добровольно уволиться, ведь я самый младший, или насчет Марии.

– У меня было так же. Потому что я нацист и из-за этого у него неприятности.

– А у меня потому, что я шатаюсь с девушками.

Пиннеберг глубоко вздыхает:

– Ну и что?

– Что «ну и что»?

– Что вы хотите сказать ему первого числа?

– Что сказать?

– Нужна ли вам Мария?

– Совершенно исключено!

– Лучше пойду на биржу!

– Вот и отлично!

– Что значит – «вот и отлично»?

– Тогда мы можем как-то договориться.

– Но о чем?

– Например: мы даем честное слово, что все трое скажем Марии – нет.

– Он уж точно не будет об этом говорить прямо, Эмиль не такой дурак.

– Мария – это не причина для увольнения.

– Тогда давайте договоримся, что если он уволит одного из нас, то двое других тоже уйдут. Дадим честное слово.

Оба смотрят с сомнением, каждый взвешивает свои шансы на увольнение, стоит ли ему давать честное слово.

– Он точно не уволит всех троих, – настаивает Пиннеберг.

– Пиннеберг прав, – подтверждает Лаутербах. – Он сейчас этого не сделает. Я даю честное слово.

– Я тоже, – говорит Пиннеберг. – А ты, Шульц?

– Я согласен, я с вами.

– Перерыв окончен! – кричит Кубе. – Если господа чиновники изволят потрудиться!

– Итак, мы договорились?

– Даю честное слово!

– Честное слово!

«Боже, как обрадуется Ягненок, – думает парень. – Еще месяц безопасности».

Они идут к своим весам.

Примерно в одиннадцать Пиннеберг возвращается домой. В углу дивана он находит спящую жену, она свернулась калачиком. У нее лицо как у заплаканного ребенка, веки еще мокрые.

– О боже, ты наконец-то пришел? Я так боялась!

– Но зачем же бояться? Что со мной может случиться? Я должен был переработать, такое удовольствие у меня каждые три дня.

– А я так боялась! Ты очень голоден?

– Голоден, и еще как. Не знаешь, почему у нас странно пахнет?

– Странно, почему? – Ягненок принюхивается. – О боже... мой гороховый суп!

Они вместе бросаются на кухню. Их встречает вонючее облако черного дыма.

– Открывай окна! Быстро открывай все окна! Проветривай!

– Найди газовый кран. Сначала отключим газ.

Наконец, немного подышав более чистым воздухом, они заглядывают в большую кастрюлю.

– Мой прекрасный гороховый суп, – шепчет Ягненок.

– Сплошные угли.

– Какое прекрасное было мясо!

Они устали в кастрюлю, дно и стенки которой покрыты черной, зловонной, липкой массой.

– Я поставила его в пять, – рассказывает Ягненок. – Я думала, ты придешь в семь. Чтобы побольше воды за это время выкипело. А потом ты не пришел, и я так испугалась, что совсем забыла про эту старую дурацкую кастрюлю!

– Ей тоже конец, – сказал Пиннеберг с грустью.

– Может, я смогу это отмыть, – говорит Ягненок с сомнением. – Есть такие медные щетки.

– Все это стоит денег, – коротко отвечает Пиннеберг. – Если подумать, мы столько уже потратили за эти дни. А теперь все эти кастрюли и медные щетки, и обед – за это я мог бы три недели обедать в столовой. Ну вот, теперь ты плачешь, хотя это правда...

Она рыдает:

– Я стараюсь изо всех сил, мой мальчик! Только когда я так боюсь за тебя, я не могу думать о еде. И разве ты не мог прийти хотя бы на полчаса раньше? Тогда мы бы еще успели вовремя перекрыть газ.

– Ну да, – говорит Пиннеберг и накрывает кастрюлю крышкой. – Урок на будущее. Я... – Он героически решается ей признаться: – Я тоже иногда ошибаюсь. Поэтому тебе не нужно плакать. А теперь дай мне что-нибудь поесть. Я так голоден!

Пиннеберг ничего не планирует, но отправляется на прогулку, на которой произойдут важные события.

Эта роковая суббота, тридцатое августа, сияя, восходит из синевы глубокой ночи. За кофе Ягненок снова повторила:

– Значит, завтра ты точно свободен. Завтра мы поедем в Максфельде по узкоколейке.

– Завтра у Лаутербаха дежурство в конюшне, – объясняет Пиннеберг. – Завтра мы поедем. Обещаю тебе.

– А потом мы возьмем лодку и поплывем через озеро и вверх по реке Максе. – Она смеется. – Боже, мальчик мой, какие названия! Я все еще думаю, что ты меня разыгрываешь!

– Я бы с удовольствием. Но сейчас мне нужно идти на работу. Пока, жена!

– Пока, муж!

Позже Лаутербах подходит к Пиннебергу.

– Слушай, Пиннеберг, завтра у нас марш, и мой командир сказал мне, чтобы я обязательно был. Раздай корм за меня.

– Мне очень жаль, Лаутербах, но завтра я ни в коем случае не могу! А так бы я с радостью.

– Слушай, ну сделай мне одолжение!

– Нет, правда, не могу. Ты знаешь, в другое время с удовольствием, но на этот раз исключено! Может быть, Шульц сможет?

– Нет, Шульц тоже не может. У него какие-то проблемы с девушкой из-за алиментов. Так что будь добр.

– На этот раз нет.

– Но у тебя же никогда нет планов!

– А на этот раз у меня действительно есть планы.

– Я отработаю два воскресенья за тебя, Пиннеберг.

– Нет, мне это не нужно. И хватит об этом. Я этого делать не стану.

– Ну и пожалуйста, если ты такой. Хотя мой командир мне специально приказал!

Лаутербах ужасно обижен.

С этого все и началось. Затем все продолжилось.

Два часа спустя Кляйнхольц и Пиннеберг остались одни в конторе.

Мухи жужжат и гудят в летнем воздухе. Кляйнхольц сильно покраснел – наверное, он уже выпил пару рюмок и поэтому в хорошем настроении.

Он также совершенно мирно говорит:

– Подежурьте завтра в конюшне за Лаутербаха, Пиннеберг. Он попросил меня об отпуске.

Пиннеберг поднимает взгляд:

– Мне очень жаль, господин Кляйнхольц. Завтра я не могу. Я уже сказал Лаутербаху.

– Ваши дела можно будет отложить, у вас же никогда не было запланировано ничего важного.

– На этот раз, к сожалению, есть дела, господин Кляйнхольц.

Господин Кляйнхольц внимательно смотрит на своего бухгалтера:

– Слушайте, Пиннеберг, не придумывайте историй. Я дал Лаутербаху отпуск, я не могу это отменить.

Пиннеберг не отвечает.

– Смотрите, Пиннеберг, – объясняет Эмиль Кляйнхольц ситуацию вполне по-человечески, – Лаутербах – парень тупой. Но он ведь нацист, а командир его подразделения – мельник Ротшпрак. Я тоже не хочу с ним портить отношения, он всегда помогает нам, когда нужно быстро что-то перемолоть.

– Но я действительно не могу, господин Кляйнхольц, – уверяет Пиннеберг.

– Ну, может, Шульц мог бы подменить, – размышляет Эмиль, разбирая ситуацию, – но он тоже не может. У него завтра семейные похороны, на которых он хочет что-то унаследовать. Ему нужно быть там, вы это понимаете, иначе остальные родственники заберут все себе.

«Какая сволочь! – думает Пиннеберг. – А как же его девки?!»

– Да, господин Кляйнхольц... – начинает он.

Но Кляйнхольц уже разгорячился.

– Что касается меня, господин Пиннеберг, я бы с удовольствием выполнил эту работу, я не такой, сами знаете...

Пиннеберг подтверждает:

– Вы не такой, господин Кляйнхольц.

– Но знаете, Пиннеберг, завтра я тоже не могу. Завтра мне действительно нужно объехать округу и постараться, чтобы мы получили заказы на клевер. В этом году мы еще ничего не продали.

Он выжидающе смотрит на Пиннеберга.

– По воскресеньям мне нужно объезжать покупателей, Пиннеберг, по воскресеньям я встречаюсь с фермерами у них дома.

Пиннеберг кивает:

– А если старый Кубе раздаст корм, господин Кляйнхольц?

Кляйнхольц в ужасе.

– Старый Кубе?! Хотите, чтобы я отдал ему ключи от склада? Кубе еще при моем отце здесь работал, но ключи от склада он никогда в руки не получал. Нет-нет, господин Пиннеберг, вы же понимаете, что вы – единственный, кто может. Вы завтра дежурите.

– Но я не могу, господин Кляйнхольц!

Кляйнхольц в полном недоумении:

– Но я же только что объяснил вам, господин Пиннеберг, что только вы свободны.

– Но я не могу, господин Кляйнхольц!

– Вы же не собираетесь требовать от меня, чтобы я завтра работал за вас только из-за вашего каприза. Что у вас запланировано на завтра?

– Я должен... – начинает Пиннеберг. – Мне нужно... – продолжает он. И замолкает, потому что в спешке ему ничего не приходит в голову.

– Вот видите! Я не могу просто так потерять свой бизнес по продаже клевера только потому, что вы не хотите, господин Пиннеберг! Будьте благоразумны.

– Я благоразумен, господин Кляйнхольц. Но я точно не могу.

Господин Кляйнхольц встает, идет к двери и не сводит с бухгалтера своего печального взгляда.

– Я сильно ошибся в вас, господин Пиннеберг, – говорит он. – Сильно ошибся.

И хлопает дверью.

Ягненок, конечно, полностью на стороне своего мужа.

– Как до такого вообще дошло? И вообще, мне кажется, ужасно подло со стороны других так тебя обманывать. На твоём месте я бы сказала начальнику, что Шульц соврал про похороны.

– Так не поступают со своими сослуживцами, Ягненок.

Она раскаивается:

– Нет, конечно, нет, ты прав. Но Шульцу я бы все высказала все как есть.

– Я скажу, Ягненок, обязательно скажу.

Теперь они оба сидят в электричке до Максфельде. Поезд переполнен, хотя этот поезд отправляется из Духерова в шесть часов утра. И Максфельде с озером и рекой Максе тоже разочаровывают. Шумно, многолюдно и пыльно. Тысячи людей приехали из Плаца, их машины и палатки стоят сотнями на берегу. О лодке уже не может быть и речи, несколько гребных лодок уже давно заняты.

Пиннеберг и его Эмма – молодожены, их сердца еще жаждут уединения. Они находят эту суету ужасной.

– Давай прогуляемся, – предлагает Пиннеберг. – Здесь повсюду леса, вода и горы...

– Но куда?

– Это совершенно неважно. Главное подальше отсюда. Мы что-нибудь найдем.

И они действительно кое-что находят. Сначала лесная тропинка довольно широкая, по ней идет много людей, но Ягненок утверждает, что здесь под буками пахнет грибами, и уводит его в сторону. Они углубляются все дальше в зелень и вдруг оказываются между двумя лесными склонами на лужайке. Они взбираются на другую сторону, держась за руки, и, когда поднимаются вверх, натыкаются на просеку, которая тянется бесконечно глубоко в лес, поднимаясь и спускаясь по холмам. Они продолжают идти дальше.

Над ними медленно и постепенно поднималось солнце, и иногда морской ветер, далеко-далеко с Балтийского моря, врвался в кроны буков и громко шумел. Морской ветер такой же, как и там, где Ягненок жила раньше, – это было давным-давно, и она рассказывала своему Ганнесу о единственном летнем путешествии в своей жизни: девять дней в Верхней Баварии, с тремя подругами.

Он тоже разговорился и рассказал о том, что всегда был одиноким, что не любит свою мать, что она никогда не заботилась о нем и он всегда мешал ей быть с ее любовниками. А у нее была ужасная профессия, она была... Ну, прошло довольно много времени, прежде чем он признался, что она барменша.

После этого Ягненок снова задумалась и почти пожалела о своем письме, потому что барменша – это все же совсем другое, хотя Ягненок и не очень понимала, чем занимаются эти дамы, так как никогда не была в баре, а то, что она слышала о таких женщинах, казалось не соответствующим возрасту матери ее молодого человека. В общем, обращение «уважаемая госпожа» наверняка было бы лучше. Но говорить об этом с Пиннебергом сейчас ей, конечно, не хотелось.

Так они шли довольно долго молча, держась за руки. Но как только это молчание стало тревожным и они начали отдаляться друг от друга, Ягненок сказала:

– Мой мальчик, как мы счастливы! – И подставила ему губы.

Вдруг лес перед ними стал совсем светлым, и когда они вышли на яркое солнце, то оказались на огромной вырубке. Прямо напротив находился высокий песчаный холм. На его вершине группа людей возилась с каким-то странным устройством. Вдруг устройство поднялось и полетело в воздух.

– Параплан! – закричал Пиннеберг. – Ягненок, это параплан!

Он был сильно взволнован и пытался объяснить ей, почему это устройство без мотора поднимается все выше и выше. Но поскольку ему это тоже не было совсем ясно, Ягненок тем более не поняла, но послушно сказала:

– Ага.

И:

– Конечно.

Затем они уселись на лесной опушке и основательно позавтракали из своих пакетов, опустошив термос с кофе. Большая белая птица кружила над ними, поднималась и опускалась, а затем, наконец, приземлилась очень-очень далеко. Люди с вершины холма устремились к ней, путь был довольно долгим, и, когда оба закончили свой завтрак, а Пиннеберг закурил сигарету, они начали возвращать устройство обратно.

– Теперь они снова поднимают его на гору, – объяснил Пиннеберг.

– Но это же ужасно неудобно! Почему он не летит сам?

– Потому что у него нет мотора, Ягненок, это же планер!

– У них нет денег, чтобы купить мотор? Разве мотор такой дорогой? Мне кажется это ужасно неудобным.

– Но, Ягненок... – И он снова хотел объяснить.

Но Ягненок вдруг крепко прижалась к его руке и сказала:

– Ах, как хорошо, что мы друг у друга есть, правда, мальчик мой?

В этот момент произошло следующее:

По песчаной дороге, которая проходила вдоль края леса, тихо и осторожно, словно в войлочных тапочках, подкрадывался автомобиль, и когда они это заметили и смущенно отстранились друг от друга, машина почти поравнялась с ними. Несмотря на то что они теперь должны были видеть лица пассажиров автомобиля в профиль, эти лица были обращены на них. И это были удивленные лица, строгие и возмущенные лица.

Ягненок ничего не поняла, ей показалось, что эти люди выглядят слишком глупо, как будто никогда не видели целующуюся пару, и она не понимала своего мужа, который, бормоча что-то непонятное, вскочил и глубоко поклонился автомобилю.

Но в этот момент, словно по тайному приказу, все лица вдруг повернулись в профиль; никто не обратил внимания на великолепный поклон Пиннеберга, только машина громко загу-

дела, поехала быстрее и исчезла между деревьев и кустов. Они еще раз увидели, как блеснул красный кузовной лак, и все. Она исчезла.

А молодой человек стоял там, мертвенно-бледный, с руками в карманах, и бормотал:

– Мы пропали, Ягненок. Завтра он меня выгонит.

– Кто? Кто?

– Ну, Кляйнхольц же! Ох, боже, ты ведь еще не знаешь. Это были Кляйнхольцы!

– Ох, боже! – Ягненок вздыхает.

– Вот уж не повезло так не повезло.

И затем она обняла своего бедного мальчика и постаралась утешить его так хорошо, как могла.

Как Пиннеберг борется со своим ангелом-хранителем и Марией Кляйнхольц, но уже слишком поздно.

За каждым воскресеньем по пятам следует понедельник, как бы в одиннадцать утра воскресенья тебе ни верилось, что до него еще целая вечность.

Но он приходит, он приходит всегда, все идет своим чередом, и на углу рыночной площади, где Пиннеберг всегда встречает городского секретаря Кранца, он оглядывается. Вот и Кранц подходит. Когда мужчины сближаются, они снимают шляпы, приветствуют друг друга и расходятся.

Пиннеберг смотрит на свою правую руку: золотое кольцо ослепительно сверкает на солнце. Пиннеберг медленно снимает кольцо с пальца, медленно тянется к своему бумажнику, а затем резко передумывает – он захлопывает бумажник и надевает кольцо обратно. С высоко поднятой головой, с обручальным кольцом на безымянном пальце, он шагает навстречу своей судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.